

Море Осколков

ДЖО АБЕРКРОМБИ

ПОЛВОЙНЫ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Море Осколков

Джо Абберкромби

Полвойны

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-445

Аберкромби Д.

Полвойны / Д. Аберкромби — «Эксмо», 2015 — (Море
Осколков)

ISBN 978-5-699-88484-1

Хоть размерами Тровенланду не сравниться с Гетландом или Ванстером, ключом к процветанию этого королевства стала крепость Мыс Бейла – ворота к Морю Осколков. Об этом прекрасно знают и отец Ярви, и, что еще важнее, Праматерь Вексен. Именно благодаря вероломству последней Тровенланд разорен захватчиками, его король и служитель убиты в собственном дворце, а принцесса Скара вынуждена бежать из родного дома под видом жалкой рабыни. Как и когда-то у Ярви, жизнь Скары кардинально переменилась всего за один день. Еще вчера она была избалованной принцессой, а сегодня ей придется стать королевой-воительницей. И научиться разбираться в политике, ведь мечи – это лишь полвойны, а вторая половина – закулисные интриги. Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-699-88484-1

© Аберкромби Д., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Часть I	6
1. Гибель	6
2. Мира не будет	13
3. Не пролить крови	17
4. В безопасности	20
5. За нас обоих	25
6. Чуткие руки	27
7. Друзья по несчастью	31
8. Бейлова кровь	35
9. Возможность	40
10. Как надо побеждать	41
11. Первопроходец	45
12. Убийца	51
13. Моя земля	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Джо Аберкромби Полвойны

*Прежде чем в дом
войдешь, все входы
ты осмотри,
ты огляди, —
ибо как знать,
в этом жилище
недругов нет ли.
Старшая Эдда, Речи Высокого¹*

Joe Abercrombie

Half a War

Copyright © 2015 by Joe Abercrombie Ltd.

Иллюстрация на обложке *Анатолия Дубовика*

Часть I

Слова – это оружие

1. Гибель

– Нас разгромили, – произнес король Финн, не поднимая глаз с кубка эля.

Он прав – Скара окинула взглядом пустой чертог. Прошлым летом здесь крыша ходила ходуном: герои наперебой бахвалились жадой сечи, горланили боевые песни да швырялись зароками одержать победу над сбродом Верховного короля.

Как часто бывает у мужчин, их речи оказались куда воинственнее мечей. Несколько месяцев пролетело в праздности, и они, один за другим, слиняли прочь, не стяжав ни добычи, ни славы. Лишь горстка невезучих осталась у главного очага, чье пламя низко поникло, совсем как удача Тровенланда. Прежде в многостолпном чертоге, названном Лес, располагалось без счета воинов, ныне здесь населяли одни только тени. Толпились горькие разочарования.

Их разгромили. Мало того – безо всякого боя.

Ну, конечно, мать Кире смотрела на это иначе.

– Мы заключили договор, государь, – поправила она, обкусывая мясо, точно привередливая кляча – охапку сена.

– Договор? – Скара в порыве гнева ткнула ножом свою нетронутую еду. – Мой отец погиб, но удержал Мыс Бейла! А вы отдали праматери Вексен ключ от его крепости без единого взмаха меча. Вы пообещали воинам Верховного короля свободный проход через наши земли! На что ж тогда, по-вашему, похож разгром?

Невозмутимый взгляд матери Кире просто бесил.

– Ваш дед – в кургане, женщины Ялетофта рыдают над телами своих сыновей, на месте дворца – головешки, а вы, принцесса, в рабском ошейнике прикованы к трону Верховного короля. *Вот на что*, по-моему, похож разгром. А мы *заключили договор*.

Лишенный державной гордости, король Финн обмяк, точно из-под паруса выдернули мачту. Скара всегда считала, что дедушка несокрушим, словно сам Отче Твердь. Видеть его таким, как сейчас, – невыносимо. А может, невыносимо помнить о детской вере в деда.

Сейчас она смотрела, как дед жадно льет в себя эль и пихает золоченый кубок – чтобы снова его наполнили.

– Что скажешь ты, Синий Дженнер?

– На советах высокородных мужей, государь, я стараюсь больше молчать.

Синий Дженнер, старый, пронырливый попрошайка, был скорее разбойником, чем купцом. На его выдубленном ветрами лице морщины словно секли зубилом – оно напоминало голову чудища на носу старого корабля. Будь на то власть Скары – такого не пустили бы даже в порт, не говоря о столе ее совета.

Ну, конечно, мать Кире смотрела на это иначе.

– Капитан – тот же король, только правит не страной, а кораблем. Ваш опыт пойдет принцессе Скаре на пользу.

Опыт по части унижений.

– Ага, пират обучит меня делам государства, – пробубнила под нос Скара, – вдобавок пират-неудачник.

– Хватит брюзжать. Неужто зря я убила столько часов, натаскивая вас изъясняться, как подобает принцессе? Как подобает королеве? – Мать Кире вскинула подбородок, и ее голос вольно зазвенел, отражаясь от потолочных балок: – Раз вы считаете свои слова достойными

внимания – произносите их гордо: пусть они летят на весь зал, пусть ваши устремления и надежды переполнят дворец и пронзят сердце каждого, кто их услышит! А если вы стыдитесь собственных мыслей – пожалуйста, промолчите. От улыбки с вас не убудет. Вы что-то сказали?

– Такое, значит, дело... – Синий Дженнер поскреб в седых волосах, пока не отвалившихся от черепа, огрубелого от непогод и в жизни не знакомого с гребнем. – Праматерь Вексен подавила восстание в Нижнеземье.

– Руками своего пса, Йиллинга Яркого, который поклоняется не богам, но самой Смерти. – Дедушка сдернул со стола кубок – невольник еще не закончил наливать, и эль выплеснулся на столешницу. – Говорят, дорогу на Скегенхаус он сплошь огородил виселицами.

– Верховный король обратил взор на север, – продолжал Дженнер. – Ему не терпится приструнить Атиля и Гром-гиль-Горма, а Тровенланд...

– Лежит на его пути, – закончила мать Кире. – Не горбьтесь, Скара, это неприлично.

Скара ответила злобным взглядом, однако поерзала плечами, стараясь принять ту насквозь неестественную позу – спина прямая, как доска, шея вытянута, – о которой пеклась служительница. *Сиди так, будто к твоему горлу приставили нож*, – вечно твердила она. – *Разнеживаться – не для принцессы.*

– Я – человек свободолобивый, и я не сторонник ни праматери Вексен, ни ее Единого Бога, ни ее законов – тем паче поборов. – Синий Дженнер уныло потер скособоченную скулу. – Но когда Мать Море раздувает шторм, капитан всеми способами должен спасти то, что можно. Мертвецу не надо свободы и даром. А от гордости и живым толку мало.

– Мудрая речь. – Мать Кире наставительно покачала пальцем Скаре. – Сегодня побили, значит, выиграешь завтра. А мертвый – проиграл навсегда.

– Трудновато бывает отличить мудрость от трусости, – огрызнулась Скара.

Служительница заскрипела зубами.

– Клянусь, я учила тебя лучшему поведению, нежели оскорблять гостей. Благородны не те, кого почитает знать, а те, кто готов уважить простых людей. Слова – это оружие. С ними нужно уметь обращаться.

Дженнер скромным жестом отмел любые мысли о нападках.

– Несомненно, принцесса Скара вправе так судить. Я знавал многих куда храбрее меня. – Он невесело улыбнулся, обнажая кривой ряд зубов с дырами в строю. – И повидал, как одного за другим их зарывали в землю.

– Долголетие и отвага – обычно плохие супруги, – произнес король, снова осушая кубок.

– Короли и эль – тоже не лучшая пара, – возразила Скара.

– У меня, внучка, кроме эля, ничего не осталось. От меня ушли мои воины. Меня бросили союзники. Их клятвы были клятвами ясного неба: крепки, как дуб при свете Матери Солнца, но подавляли, когда сгустились тучи.

Ни для кого не секрет. День за днем Скара бегала на причалы, горя нетерпением своими глазами увидеть, сколько кораблей из Гетланда приведет Железный король Атиль, сколько бойцов из Ванстерланда будут сопровождать знаменитого Гром-гиль-Горма. День за днем, пока листья сперва проклеивались из почек, потом покрывали траву пестрой тенью, а потом бурели и отпадали. Никто так и не появился.

– Верность – черта собак. Людям она обычно не свойственна, – заметила мать Кире. – Лучше отказаться от замысла, чем строить его на людской преданности.

– На чем же тогда его строить? – поинтересовалась Скара. – На трусости?

Старым казался дед, когда повернулся к ней с влагой на глазах и пивным духом. Старым и разбитым.

– Ты всегда была храброй, Скара. Храбрее меня. В твоих жилах – Бейлова кровь.

– И в твоих, государь! Ты учил меня, что звон мечей – это лишь полвойны. А другая половина ведется здесь. – И Скара прижала кончик пальца к виску – так сильно болела голова.

– Ты всегда была умницей, Скара. Умнее меня. Ведомо богам, ты и птицу уговоришь слететь с неба, коли захочешь. Что ж, берись за эту половину войны. Прояви хитроумие, которому будет под силу повернуть вспять воинство Верховного короля и избавить нашу землю и наш народ от меча Яркого Йиллинга. Вот тогда ты спасешь меня от позорного договора с праматерью Вексен.

Скара опустила взгляд на покрытые соломой полы, лицо горело от стыда.

– Как бы хотелось мне быть на такое способной. – Но она была девушкой семнадцати лет, и, текла ли кровь Бейла в ее жилах или нет, достойных героя решений в голову не приходило. – Прости, дедушка, мне так жаль.

– Мне тоже, дитя. – Король Финн устало поник на сиденье и махнул, чтобы несли еще эля. – Мне тоже.

– Скара.

Из тревожного сна ее выбросило в темноту. Лицо матери Кире призрачно маячило в мерцании одинокой свечи.

– Скара, вставай.

Спросонья она отпихнула меховые одеяла. Снаружи невнятный шум. Крики и хохот.

Она протерла глаза.

– Что такое?

– Ты должна пойти с Синим Дженнером.

Тут Скара заметила и купца, притаившегося на пороге ее покоев. Черная, косматая фигура, прикован к полу.

– Что?

Мать Кире потянула ее за руку.

– Пора идти, немедленно.

Скара уже собралась спорить. Как обычно. А потом разглядела выражение лица служительницы и подчинилась без единого слова. Ни разу прежде она не видела мать Кире напуганной.

Шум снаружи больше не походил на смех. Рывания. Безумные голоса.

– Что происходит? – сумела выдавить она.

– Я совершила страшную ошибку. – Глаза матери Кире перебежали на дверь и обратно. – Я поверила праматери Вексен. – Она скрутила с плеча Скары золотое обручье. То самое, что в давнюю пору Бейл Строитель надевал перед битвой. Рубин на золоте играл при свече темно-алыми, словно пролитая кровь, гранями.

– Это вам. – Она протянула обручье Синему Дженнеру. – Если вы поклянетесь довести ее невредимой до Торлбю.

Разбойник вскинул смущенный взгляд.

– Клянусь. Клянусь солнцем и луной.

Мать Кире до боли крепко сжала обе ладони Скары.

– Что бы ни случилось, ты должна выжить. Это теперь твой долг. Ты обязана выжить и вести выживших за собой. Сражаться за Тровенланд. Встать на защиту народа, если... больше его защищать будет некому.

От страха у Скары перехватило горло, и она едва вымолвила:

– Сражаться? Но...

– Как тебя учила я. Учила старательно. Слова – твое оружие. – Служительница вытирала слезы со щек Скары, а та даже не поняла, что плачет. – Твой дед прав – ты умна и отважна. А теперь ты должна стать сильной. Больше ты не дитя. Не забывай – в твоих жилах струится кровь Бейла. Иди же.

Дрожа в легкой сорочке, Скара поковыляла босиком за Синим Дженнером – в темноту. Уроки матери Кире укоренились так глубоко, что даже в страхе за жизнь она беспокоилась,

подобающе ли одета. Пламя за узкими окнами роняло на присыпанный соломой пол кинжальные тени. Слышались крики паники. Собачий лай – внезапно он оборвался. Тяжелый стук, как будто валят могучее дерево.

Как будто топорами по двери.

Они тишком пробрались в гостевые покои, где пару месяцев назад плечом к плечу впопалку спали воины. А теперь валялось лишь протертое до дыр одеяло Синего Дженнера.

– Что происходит? – прошептала она, не узнавая свой надтреснутый голос.

– Йиллинг Яркий нагрянул со своими Сподвижниками, – сказал Дженнер, – погасить долги праматери Вексен. Ялетофт уже полыхает. Прошу прощения, принцесса.

Скара вздрогнула, когда он что-то продел вокруг ее шеи. Ошейник из плетеной серебряной проволоки: негромко звякнула изящная цепочка. Наподобие тех, какими перевязывают волосы девушки инглингов.

– Отныне я рабыня? – прошептала она, когда Дженнер прицепил конец цепи на свое запястье.

– Вы должны ею казаться.

От грохота снаружи Скара съежилась. Забряцал металл, и Дженнер прижал ее к стене. Задул свечу, погружая во мрак. Но она заметила, как разбойник достал нож – Отче Месяц тускло блеснул на лезвии.

Теперь зазвучал вой, там, за дверьми: тонкий, цепенящий. Звериный визг, а не человеческие голоса. Слезы щипали веки, Скара зажмурилась и взмолилась. Заплетаясь, заикаясь, бессмысленно и бестолково. Всем богам и никому.

Легко быть храброй, когда крохотная Последняя дверь маячит так далеко, что пусть о ней переживают другие. А сейчас ледяное дыхание Смерти в затылок заморозило всю ее храбрость. Прошлой ночью ей так привольно было судить о трусости! Теперь она узнала, что это такое.

Последний протяжный вскрик – и тишина. Почитай, хуже недавнего шума. Ее потянуло вперед, несвежее дыхание Дженнера обдало щеки.

– Надо идти.

– Я боюсь, – прошелестела она.

– Я тоже. Но ежели мы уверенно выйдем к ним, то может статься, язык нас выведет на свободу. А станем прятаться и попадемся...

Ты одолеешь страх, лишь выйдя ему навстречу, – так говорил дед. – *Спрячешься от него – и он одолеет тебя.* Дженнер со скрипом приоткрыл дверь, и Скара заставила себя выскользнуть следом. Колени тряслись так отчаянно, что едва не стучали друг о друга. Босая нога поскользнулась на мокром. У двери сидел мертвец, вокруг него почернела от крови солома.

Его звали Борид. Раньше этот воин служил ее отцу. В детстве катал ее на плечах – с их высоты она срывала персики в саду под стеной Мыса Бейла.

Щиплющие глаза притягивал шум голосов. Взгляд пополз по сломанному оружию, по расщепленным щитам. По новым трупам – скрюченным, сторбленным, распластанным меж резных колонн, в честь которых дедов чертог и прозвали Лесом.

В свете коптящего очага собрались мужчины. Именитые воины: кольчуги, клинки и кольца-гривны пылали цветами огня, громадные тени вытягивались по полу ей навстречу.

Мать Кире стояла с ними, там же стоял и дед. На нем криво сидела надетая в спешке кольчуга, седые волосы растрепаны после сна. И двум своим пленникам вежливо и любезно улыбался стройный воин. Лицо его было мягким, беззаботным, как у ребенка. Вокруг него – пустота. Никто из прочих убийц не смел даже ступить с ним рядом.

Яркий Йиллинг, тот, кто поклоняется не богам, но самой Смерти.

Его веселый и беззаботный голос прокатился эхом по необозримому залу.

– Я надеялся выразить уважение принцессе Скаре.

– Мы отослали ее к родственнице, Лайтлин, – ответила мать Кире. Тем самым голосом, который спокойно и твердо наставлял, поправлял, одергивал Скару каждый день ее жизни, но нынче в нем звучал незнакомый оттенок ужаса. – Там тебе до нее ни за что не добраться.

– Ничего, мы до нее доберемся и там, – сказал один из бойцов Йиллинга, громадный мужик с шеей, как у быка.

– Уже скоро, мать Кире, скоро, – добавил другой, с длинным копьём и рогом на поясе.

– Король Атиль придет, – с жаром проговорила она. – Он спалит ваши корабли и загонит вас в море.

– Как же он спалит корабли, когда их защищают могучие цепи Мыса Бейла? – поинтересовался Йиллинг. – Цепи, к которым вы дали мне ключ.

– Гром-гиль-Горм придет, – не умолкала она, однако голос упал почти до шепота.

– Мечтаю об этом. – Йиллинг протянул обе руки и ласково откинул волосы матери Кире за плечи. – Но для вас он придет слишком поздно.

Он вынул меч, золотой коготь обвил на эфесе огромный алмаз, зеркальная сталь вспыхнула так ярко, что пронзила мрак, и перед взором Скары замигало белое пятно.

– Всех нас ждет Смерть. – Король Финн глубоко вдохнул, раздувая ноздри, и тяжело, но горделиво ступил вперед. Вновь обретая облик славного мужа своих ушедших дней. Он обвел взглядом палаты и среди высоких колонн приметил Скару. И, решила она, самую чуточку ей улыбнулся. А затем упал на колени. – Сегодня ты отнимаешь жизнь у короля.

Йиллинг пожал плечами:

– Что короли – что холопы. Для Смерти мы все на одно лицо.

Он пырнул дедушку Скары туда, где шея смыкается с плечом. Скорый и смертоносный, как удар молнии, клинок нырнул по рукоять – и тут же обратно. Король Финн успел только охнуть – и умер мгновенно, и повалился лицом в очаг. Скара замерла, застыла на месте: сковало дыхание, сковало мысли.

Мать Кире таращилась на тело мертвого повелителя.

– Праматерь Вексен дала мне обещание... – запнулась она.

Пит-пат, пит-пат, капала с острия меча кровь.

– Обещания – узы для слабых.

Он крутнулся с изяществом танцора, в тени мелькнула сталь. Ударил черная струя, и голова матери Кире гулко стукнулась об пол, а тело осело вниз, словно в нем не было никаких костей.

Скара издала судорожный стон. Все это наверняка кошмар. Выверт горячечного бреда. Ей захотелось лечь. Ресницы дрожали, тело обмякло, но плечо до боли крепко сжимала ладонь Синего Дженнера.

– Ты – рабыня, и только, – прошипел он, жестко ее встряхнув. – Ты по-нашему не говоришь. Ты по-нашему не понимаешь.

Она попыталась унять рваные всхлипы, но тут легкие шаги простучали по полу, направляясь к ним. Кто-то вдалеке завопил, да так и вопил без остановки.

– Так, так, – послышался мягкий голос Яркого Йиллинга. – Явно нездешняя парочка.

– Никак нет, господин. Меня Синим Дженнером кличут. – У Скары в голове не укладывалось, как ему удастся разговаривать столь дружелюбно и рассудительно. Открой рот она, и оттуда полезут одни слюнявые поскуливания. – Я торгую под разрешением Верховного короля, недавно вернулся с верховий Священной реки. Мы шли в Скегенхаус, и ураган сбил нас с курса.

– Должно быть, ты был в тесной дружбе с королем Финном, раз гостишь в его палатах.

– Мудрый купец дружит со всеми, господин.

– С тебя льется пот, Синий Дженнер.

– Если честно, я вас боюсь.

– И верно, мудрый купец. – Скара почувствовала ласковое прикосновение к подбородку – ей подняли голову. Она посмотрела в лицо тому, кто только что убил двух стариков, которые растили и воспитывали ее с самого детства. На его вежливой улыбке до сих пор не высохли капли их крови, а она так близко к нему, что может сосчитать на носу веснушки.

Йиллинг выпятил полноватые губы и звонко присвистнул.

– И торгуешь чудесным товаром. – Он пропустил ладонь сквозь ее волосы, намотал на пальцы тонкую прядь и слегка потянул, мазнув по щеке кончиком пальца.

Ты обязана выжить. Обязана вести выживших за собой. Она стесала, притупила страх. Притупила ненависть. Через силу сделала безжизненное лицо. Ничего не выражающее лицо невольницы.

– Так я выкуплю ее у тебя, купец? – задал вопрос Йиллинг. – За твою жизнь – почему нет?

– С удовольствием, господин, – вымолвил Синий Дженнер. Скара так и знала – мать Кире просто дура, раз поверила этому пройдохе. Она поглубже вдохнула, чтобы выпалить проклятие. Крючковатый палец разбойника впился ей в плечо. – Но мне нельзя ее продавать.

– По моему обильному и кровавому опыту... – Яркий Йиллинг поднял багряный меч и прижал плашмя к щеке, как девчушка – любимую куклу. Алмазное навершие разгоралось красными и желтыми искрами. – Один острый клинок рассечет целый моток любых «нельзя».

Седой кадык Дженнера подскочил от волнения.

– Я ей не хозяин, чтоб продавать. Она – подарок. От князя Варослава из Калейва самому Верховному ко-ролю.

– Ясно. – Йиллинг медленно убрал меч от лица, от прижатого клинка на коже осталось красное пятно. – Слышал я, что Варослав из тех, кого страшится мудрый.

– По правде говоря, шутить князь не любит.

– Когда власть человека расцветает, его чувство юмора вянет. – Йиллинг нахмурился на кровавый след, что сам оставил между колонн. Между трупов. – Верховный король тоже такой же. Было б неблагоприятно лямзить у них подарки.

– На всем пути от Калейва я повторял те же самые слова, – сказал Дженнер.

Яркий Йиллинг щелкнул пальцами, словно треснул кнутом, глаза загорелись мальчишеским задором.

– Придумал! Мы подкинем монетку. Орел – ты забираешь эту милку в Скегенхаус, мыть ноги Верховному королю. Решка – я тебя убью и распоряжусь ею с большей пользой. – Он шлепнул Дженнера по плечу. – Ты что-то сказал, мой новый друг?

– Праматери Вексен это небось придется не по нутру, – сказал Дженнер.

– Да ей не по нутру вообще все. – Йиллинг широко улыбнулся, гладкая кожа вокруг глаз собралась в добродушные морщинки. – Но я склоняюсь лишь пред одною женщиной. И это вовсе не праматерь Вексен, не Мать Море, не Мать Солнце и даже не Мать Война. – Он подбросил монету высоко: золото вспыхнуло под необъятным и тусклым сводом Леса. – А только Смерть.

Он выхватил монету из тени.

– Короля и крестьянина, господина и слугу, сильного и слабого, мудрого и глупого – всех нас ждет Смерть. – И он раскрыл кулак, на ладони сверкнула монета.

– Эхе. – Синий Дженнер уставился на нее. – Сдается, меня она еще чуток обождет.

Они неслись прочь сквозь разоренный Ялетофт. Горячий ветер раскидывал охваченную огнем солому, ночь вскипала криками, мольбами и плачем. Скара не поднимала глаз, как полагалось вышколенной рабыне. Рядом не было никого, кто велел бы не горбиться – и ее страх понемногу таял, превращаясь в чувство вины.

Они вскочили на борт судна Дженнера и тут же отчалили. Команда бормотала молитвы и благодарила Отче Мира за спасение от резни, весла скрипели, наращивая ритм – пока меж ладей захватчиков они скользили в открытое море. Полумертвая Скара плюхнулась возле

груза, чувство вины постепенно стекало в лужу скорби: она смотрела, как пламя охватывает прекрасный дворец короля Финна, а вместе с ним и ее прошлую жизнь. Огромный резной щипец чернел на огненном фоне, а потом обрушился в фонтане клубящихся искр.

Пожарище надо всем, что только знала принцесса, умаялось, Ялетофт стал далеким огненным пятном в темноте, паруса трепетали, и Дженнер приказал повернуть на север, в Гетланд. Скара стояла и глядела назад, глядела в прошлое. Слезы высохли на лице, когда ее скорбь смерзлась в холодную, твердую, железную глыбу ярости.

– Я еще увижу свободный Тровенланд, – прошептала она, сдавливая кулаки. – Увижу, как заново отстроят дедушкины палаты, а тушу Йиллинга Яркого расклюют вороны.

– Покамест главное – увидеть вас завтра живой, принцесса. – Дженнер снял с ее шеи невольничий ворот и укутал плащом ее дрожащие плечи.

Она подняла глаза, осторожно потирая отметину от серебряного шнура.

– Я напрасно осуждала тебя, Синий Дженнер.

– Ваше суждение было недалече от истины. Я творил куда худшее зло, чем вы себе представляете.

– Зачем же тогда рисковал ради меня жизнью?

Он, похоже, на минуту задумался, почесывая подбородок. Потом пожал плечами.

– Потому что вчерашний день уже не изменишь. А завтрашний – можно. – Он вложил что-то в ее ладонь. Обручье Бейла – рубин наливался кровью при свете луны. – Кажется, это ваше.

2. Мира не будет

– Ну, когда же они появятся?

Отец Ярви сидел, прислонив к дереву сутулую спину. На коленях его уместилась древняя книга. Казалось, что он почти заснул: зрачки под отяжелевшими веками перестали скользить по написанному.

– Я служитель, а не провидец, Колл.

Колл мрачно оглядел святыне подношения богам на поляне. Безголовые птицы, кувшины высохшего эля. Покачивались связки костей на бечевках. Собака, корова и четыре овцы висели на иссеченных рунами ветвях. У перерезанных глоток животных суетилась мошकारа.

Не обошлось и без человека. Тело, судя по мозолям на шее, невольника – на спине грубо начертали рунный круг. Пальцы касались окровавленной почвы. Грандиозное жертвоприношение Той, Что Возвращает Семя от какой-нибудь мечтающей о ребенке богачки.

Колл не шибко жаловал святыне рощи. В них у него возникало чувство, будто за ним подсматривают. Себя-то он считал малым честным, но свои тайны найдутся у каждого. И свои тягостные сомнения тоже.

– Что за книга? – спросил он.

– Трактат об эльфийских древностях, написанный двести лет назад сестрой Слodd из Реерскрофта.

– Опять вы взялись за запретные знания?

– Знания с тех времен, когда целью Общины Служителей было копить, а не выпалывать мудрость.

– Обуздать возможно лишь познанное, – пробурчал Колл.

– В дурных руках всякое знание, равно как и всякая сила, станет опасным. В каком деле его применять – вот что важно. – С этими словами отец Ярви лизнул палец на высохшей кисти и перевернул страницу.

Колл мрачно покосился на безмолвный лес.

– Мы что, и впрямь пришли слишком рано?

– Обычно бой выигрывает тот, кто первым подошел к месту схватки.

– Разве мы собирались не на мирные переговоры?

– Мирные переговоры и есть поле битвы служителя.

От тяжелого вздоха Колл прищлепнул губами. Он пристроился на пенек с краю поляны, на почтительном расстоянии от подношений богам. Вынул ножик и ясеневую заготовку, которой начерно уже придал нужную форму. Та, Что Бьет По Наковальне, с высоко занесенным молотом. Подарок для Рин, когда он вернется в Торлбю. Если вернется, а не окончит свои дни, болтаясь на дереве на этой самой поляне. Он снова пошлепал губами.

– Боги наделили тебя многочисленными дарами, – пробурчал отец Ярви, не отрывая глаз от книги. – Умелыми руками и смекалкой. Привлекательными вихрами песочного цвета. Неунывающим остроумием – порой немного не к месту. Но хочешь ли ты и впрямь стать великим служителем, стоять у плеч королей?

Колл сглотнул.

– Хочу, вы же знаете, отец Ярви. Больше всего на свете.

– Тогда тебе придется многому научиться, и прежде всего – терпению. Собери свой разум-мотылек в кулак, и однажды ты изменишь мир, как мечтала твоя мама.

Колл мотнул головой и услышал, как под рубашкой цокнули гирьки на ремешке вокруг шеи. Эти гирьки его мать, Сафрит, носила, заведывая кладовыми, – почетный знак того, что отмеряла и взвешивала без обмана. *Будь храбрым, Колл. И во всем старайся быть первым.*

– Боженьки, я до сих пор скучаю по ней, – пробормотал он.

– Я тоже. А сейчас замри и все внимание на меня.

Колл свесил руки.

– Мои глаза приросли к вам, отец Ярви.

– Закрой их. – Служитель захлопнул книгу и встал, отряхивая со спины палые листья. – И слушай.

Шаги, из глубины леса. Колл убрал поделку, но нож оставил, сунув лезвием в рукав. Большинство проблем решит правильно выбранное слово. Но по опыту Колла, сталь с правильной заточкой способна отлично уладить оставшиеся.

Из-за деревьев на поляну ступила женщина в черном балахоне служителя. Ее огненно-рыжие волосы с боков были выбриты, а сверху, примазанные, топорщились в виде гребня. На коже возле ушей наколоты руны. Суровым было ее лицо – и от движений челюстью становилось еще суровее: она жевала кору сонной ветлы. На губах – лиловые пятнышки.

– Вы рано, мать Адуин.

– Не так рано, как вы, отец Ярви.

– Мать Гундринг всегда повторяла: приходить на встречу вторым – неприлично.

– Что ж, надеюсь, вы простите мою невоспитанность.

– Смотря какие известия от праматери Вексен вы принесли.

Мать Адуин вскинула голову.

– Ваш повелитель, король Атиль со своим союзником Гром-гиль-Гормом нарушили клятвы Верховному королю. Они отбросили протянутую руку дружбы и обнажили против него мечи.

– Его рука дружбы давила на нас тяжким гнетом, – сказал Ярви. – Уже два года, как мы ее стряхнули, и оказалось – без нее дышится куда легче. Два года как Верховный король не брал городов, не выигрывал битв...

– А сколько раз бились Атиль и Гром-гиль-Горм? Если не считать ежедневных перепалок друг с другом? – Адуин краешком рта сплюнула сок, и Колл беспокойно потеревил нитку на рукаве. Тут она попала в цель. – Вы, отец Ярви, наслаждались удачей, пока Верховный король не отрывал взгляд от восстания в Нижнеземье. Восстания, к разжиганию которого, слыхала я, вы приложили руку.

Ярви, сама невинность, заморгал:

– Разве по силам мне поднимать людей на борьбу за сотни миль от себя? Я что – волшебник?

– Кое-кто поговаривает, что да, но хоть волшебба, хоть удача, хоть хитроумие уже ничего не изменят. Восстание смято. Яркий Йиллинг сходилась в поединках с тремя сыновьями Хоконна и зарубил их по очереди, одного за другим. Его владению мечом нет равных.

Отец Ярви присмотрелся к единственному ногтю на своей сухой руке, будто проверял, хорошо ли тот выглядит.

– Король Атиль с вами не согласится. Он побил бы этих трех братьев разом.

Мать Адуин пропустила пустое хвастовство мимо.

– Яркий Йиллинг – человек нового склада, у него современный подход. Он предал клятвопреступников мечу, а его Сподвижники сожгли их терема вместе с семьями.

– Жечь целые семьи. – Колл резко сглотнул. – Какой улучшенный подход!

– Наверно, вы еще не слышали, что Яркий Йиллинг сделал потом?

– Говорят, он отменный танцор, – сказал Колл. – Он что, станцевал?

– О да. Через проливы, да в Ялетофт, с визитом к вероломному королю Финну.

Вот теперь настала тишина – и ветер прошелестел в листьях, подношения на дереве скрипнули, и по шее Колла пробежал холодок дрожи. Мать Адуин негромко причмокнула корой и сладко улыбнулась:

– Ах. Над этим и ваш шут не заржет. Ялетофт лежит в развалинах, чертог короля Финна в пепелище, а воинов его рассеял ветер.

Ярви еле заметно нахмурился.

– А где же сам король?

– По ту сторону Последней двери. С ним и его служитель. Их смерть была предначертана в тот самый миг, когда вы завлекли их обманом в свою обреченную шайку.

– На поле боя, – задумчиво пробормотал отец Ярви, – правил нет. Современнее некуда.

– Яркий Йиллинг уже засеивает Тровенланд пламенем, расчищая дорогу армии Верховного короля. Армии, превосходящей числом песчинки на полосе прибоя. Величайшему воинству, выходившему маршем с тех пор, как эльфы воевали единого Бога. К середине лета он будет у ворот Торлбю.

– Будущее окутано туманом, мать Адуин. Оно запросто может нас удивить.

– Не нужен пророческий дар, чтобы видеть грядущее. – Она вытащила свиток и растянула его, тонкие руны густо испещрили бумагу.

– Праматерь Вексен называет вас с королевой Лайтлин подлыми изменниками и чародеями. Отпечатанные Лайтлин монеты Община Служителей сим документом нарекает колдовскими амулетами эльфов, а всякого, кто их использует, – объявляет вне закона.

Колл дернулся – в подлеске хрустнул сучок.

– Вы будете изгоями для всего мира, равно как Атиль, Гром-гиль-Горм и любой, вставший под их знамена.

А вот сейчас появились воины. Мужчины из Ютмарка – продолговатые щиты и квадратные застёжки плащей. Колл насчитал шестерых, а сзади услышал еще не менее двух и с трудом заставил себя не оборачиваться.

– Вы обнажили мечи? – удивленно спросил отец Ярви. – На священной земле Отче Мира?

– Мы молимся Единому Богу, – прорычал боец в шлеме с золотой гравировкой, их капитан. – Как по нам – это обычная грязь.

Колл оценил нацеленные на него острые взгляды и острые лезвия. Ладони стало скользко на рукояти потайного ножа.

– Ну, попали, – пискнул он.

Мать Адуин выпустила свиток из рук.

– Но даже сейчас, несмотря на вашу измену и подлость, праматерь Вексен предлагает вам мир. – Она воздела очи к небу, по лицу скользнула тень от листьев. – Взаправду, Единый Бог милостив!

Отец Ярви прыснул со смеху. Колл глазам своим не верил – настолько бесстрашным казался служитель.

– Полагаю, ее милость имеет свою цену?

– Изваяния Высоких богов должны быть разбиты. Отныне на всем море Осколков воцарится Единый Бог, – ответила Адуин. – Каждый ванстерек и гетландец обязан платить годовую десятину в Общину Служителей. Король Атиль и король Гром-гиль-Горм сложат свои мечи к ногам Верховного короля, умоляя его о прощении, и принесут новую присягу.

– Старая оказалась непрочной.

– Поэтому вы, мать Скейр и юный принц Друин останетесь у Вексен в заложниках.

– Хммм. – Отец Ярви поднял высохший палец и постучал по щеке. – Предложение заманчиво, беда только – летом в Скегенхаусе малость сыровато.

Стрела промелькнула перед лицом Колла – его обдуло ветерком полета. И беззвучно вошла в плечо вожаку отряда, сразу над ободом щита.

Из леса выпорхнули новые стрелы. Один воин вскрикнул.

Другой схватился за стрелу, угодившую в лицо. Колл подскочил к отцу Ярви и рванул его вниз, увлекая за ствол ближайшего священного дерева. Тут же на них кинулся ратник, заноса

меч. И тогда его путь преградил Доздувой, огромный, как дом. Взмах его великой секиры сшиб нападавшего с ног и отбросил прочь, взбивая палые листья.

Сплелись проворные тени – секли, кололи, стукались о подношения богам, те раскачивались на ветвях. Через несколько кровавых мгновений бойцы матери Адуин присоединились к королю Финну за Последней дверью. Их капитан, задыхаясь, кривился на коленях: шесть стрел упокоились в его кольчуге. Он пытался встать, орудуя мечом, как клюкой, но красная сила стремительно покидала его через раны.

На поляне показался Фрор. Одна рука его обхватывала тяжелый топор. Второй он бережно расцепил застежку на золоченом шлеме капитана. Искусное изделие стоило немалых денег.

– Вы пожалеете об этом, – выдохнул капитан: на губах кровь, седые волосы липли к потному лбу.

Фрор неспешно кивнул.

– Мне уже тебя жалко. – И хватил капитана по темени – тот опрокинулся, распростав руки.

– Уже можно меня отпускать, – сказал отец Ярви и похлопал Колла по боку. Только сейчас он понял, что накрыл служителя всем телом, как в бурю мать закрывает ребенка.

– А сразу вы не могли мне сказать, что задумали? – спросил он, отталкиваясь от земли.

– Чего не знаешь – того не выдашь.

– Вы не доверились тому, что я справлюсь?

– Доверие – оно как стекло, – произнес Ральф. Он закинул на плечо свой могучий роговой лук и, протянув широкую ладонь, помог Ярви подняться. – Чудесная вещь, но только придурку взбредет в голову полагаться на его прочность.

Поляну со всех сторон окружили бывалые воины Гетланда и Ванстерланда, среди них мать Адуин казалась отчаянно одинокой. Колл едва ее не жалел, но понимал – его жалость не принесет никому даже наименьшего блага.

– Похоже, моя подлость взяла верх над вашей, – сказал Ярви. – Уже дважды ваша госпожа пыталась иссечь меня с лика мира, но пока вот он я, перед вами.

– Ты своей подлостью славен, паук. – Мать Адуин плюнула ему под ноги лиловой отрыжкой. – Твой Отче Мир теперь доволен священной поляной?

Ярви пожал плечами:

– Ох, он-то – бог милостивый. Но вообще-то согласен, разумнее на всякий случай задобрить его жертвой. Повесить вас на одном из этих деревьев и перерезать горло.

– Так чего ждете? – вырвалось у нее.

– Помилование убеждает в могуществе нагляднее казни. Возвращайтесь к праматери Вексен. Спасибо ей за сведения, они наверняка нам еще пригодятся. – Он бросил жест на мертвецов – тех уже привязывали за ноги, чтобы вздернуть на ветвях святой рощи. – Спасибо и за щедрые подношения Высоким богам. Боги будут вам, несомненно, признательны.

Отец Ярви внезапно рванулся к ней, скаля зубы. Маска соскользнула с матери Адуин, и Колл ясно разглядел под ней страх.

– Но передайте первой из служителей, что я подтер задницу ее предложением! Я поклялся отомстить убийцам отца. Поклялся луною и солнцем. Передайте праматери Вексен: пока мы с ней живы, никакого мира не будет!

3. Не пролить крови

– Я тебя щас прикончу, сука полубритая! – ругаясь и брызжа слюной, Рэйт пошел на нее. Рэкки поймал его за левую руку, Сориорн за правую – вдвоем им удалось его забороть. В конце концов, навык сложился у них уже спокон веку.

Колючка Бату не двинулась. Если не считать вздутых желваков с выбритой стороны головы.

– Давайте-ка все просто остынем, – высказался ее муж, Бранд, и замахал ладонями, как пастух в попытке умирить встревоженную отару. – Ну будет вам, мы же союзники, а? – Никакой он не мужик, а здоровенная, сильная корова. Твердости – ни на зуб. – Давайте, ну хоть минутку... давайте пребывать в свете.

Рэйт всем объявил, что он думает об этом предложении, сумев выкрутиться из хватки брата настолько, чтобы плюнуть Бранду в лицо. К сожалению, не попал, но его намек поняли.

Колючка закусила губу:

– По-моему, псина нарывается на взбучку.

У каждого есть своя больная мозоль – сейчас наступили на Рэйтову. Он тут же расслабился и обмяк, опустил голову набок и, скалясь в ленивой ухмылке, покосился на Бранда.

– Слушай, Колючка, может, лучше взамен я прибью твою робкую женушку?

Он здорово наловчился затевать драки и неплохо умел их заканчивать, но никак не был готов к той скорости, с какой Колючка бросилась к нему.

– Ты труп, мудак с молочными волосами.

Рэйт отшатнулся, едва не повалив на причал брата и Сориорна. Чтоб ее оттащить, понадобилось трое гетландцев – старый мастер оружия Хуннан, пожилой лысый кормчий Ральф и Бранд, чья покрытая шрамами рука заломила ей шею. Здоровенные мужики пыhtели от напряжения, но ее кулак, даже сбившись с курса, все равно дал хорошего тумака Рэйтовой макушке.

– Мира! – прорычал Бранд, борясь изо всех сил с брыкающейся женой. – Ради богов, прошу мира!

Но всеми овладел отнюдь не мирный настрой. И гетландцы, и ванстерцы уже выкрикивали новые оскорбления. Рэйт увидел чей-то побелевший кулак на рукояти меча, услышал шорох, с которым Сориорн извлек кинжал из ножен. Он чуял запах скорого насилия, и оно угрожало зайти гораздо дальше, чем он намеревался вначале. Но что вы от насилия хотите? Такова его суть. Оно редко растет в пределах отведенной заранее грядки.

Рэйт раздвинул губы в полуулыбке-полуоскале: в груди разгоралось ярое пламя, дыхание забурлило в глотке, затрепетали тугие мышцы.

Еще немного, и сказители воспели б сражение на мокрых от дождя пристанях Торлбю, когда бы не явился Гром-гиль-Горм. Точно бык сквозь стадо блеющих коз, шествовал он, рассекая ожесточенную давку.

– Хорош! – проревел владыка Ванстерланда. – Чего тут расчирикались, пичужки?

Сутолока стихла. Рэйт стряхнул с себя брата, улыбаясь волчьей усмешкой, и Колючка оторвалась от мужа, рыча проклятия. Впереди у Бранда неудобная ночка, но для Рэйта все сложилось как нельзя лучше. В конце концов, он приехал драться, и его не слишком заботило с кем.

С воинственным видом гетландцы расступились, пропуская короля Атиля. На руках у него, как дитя, лежал обнаженный меч. Само собой, Рэйт его ненавидел. Всякому доброму ванстерцу полагалось ненавидеть гетландского короля. Но в остальном таким человеком, как он, стоило восхищаться: суровый, с волосами серого цвета, как железный брус – и столь же жесткий и неподатливый, он произносил мало слов, но побеждал во многих боях. Сумасшед-

ший блеск впалых глаз говорил о ледяной пустоте там, куда обычно боги помещают в людей милосердие.

– Ты меня расстроила, Колючка Бату, – проскрежетал он грубым, словно мельничные жернова, голосом. – От тебя я ждал лучшего.

– Всем сердцем каюсь, государь, – хрипло буркнула она, мечи кинжалы из глаз сперва на Рэйта, потом на Бранда, который поморщился, словно кинжалы от нее ему далеко не в новинку.

– А я от тебя лучшего и не ждал. – Гром-гиль-Горм насупил на Рэйта черную бровь – Но, по крайней мере, надеялся.

– Нам что, безропотно сносить оскорбления? – огрызнулся Рэйт.

– Тот, кто желает упрочить союз, стерпит детские обзывалки, – сухо прозвучал голос матери Скейр.

– А наш союз подобен судну в штормовых морях, – проговорил отец Ярви, со своей слащавой улыбочкой, что прямо криком просила обуха. – Затопите его своими дрызгами, и поодиночке мы пойдем на дно.

В ответ на это Рэйт зло заворчал. Он ненавидел служителей и их двуличные речи об Отче Мире и наибольшем благе. Как по нему, лучшее средство против любой неприятности – пробить ее насквозь кулаком.

– Мужики Ванстера оскорблений не забывают. – Горм упер палец в пояс, где топорщились боевые ножи. – Однако меня одолела жажда, и поелику мы – гости... – Он подтянулся, цепь, сделанная из наконечников мечей побежденных врагов, поползла по его могучей груди. – То я, Гром-гиль-Горм, Крушитель Мечей, Творитель Сирот, король Ванстерланда, верный и любящий сын Матери Войны... войду в город вторым.

Его воины сердито зароптали. Они целый час ругались и спорили, кто войдет первым, а теперь эта битва проиграна. Их государь встанет на менее почетное место, значит, меньше чести достанется им, и, боги, как же они колючи в вопросах чести!

– Мудрый поступок, – прищурившись, произнес король Атиль. – Только не жди ответных подарков.

– Волк не нуждается в подарках овец, – молвил Горм, сверкнув глазами в ответ. Ближняя дружина короля Атиля, подбоченясь, шагала мимо. Золоченые пряжки, рукояти и кольца-гривны сверкали на солнце. Наглецы зазнались, как никогда. Рэйт оскалился и харкнул им под ноги.

– От ведь псина, – ехидно ухмыльнулся Хуннан.

Рэйт бы прыгнул на старого выродка и вышиб ему мозги о причал, да только Рэкки приобнял его и на ухо проворковал:

– Тише, братик, остынь.

– Синий Дженнер! Вот так сюрприз!

Рэйт хмуро оглянулся через плечо и увидел, что отца Ярви увлек в сторонку какой-то старый моряк с просоленной рожей.

– Надеюсь, приятный, – произнес Дженнер, пожимая руки Ральфу, словно давнему одновесельнику.

– Поживем – увидим, – ответил служитель. – Ты приехал принять золото Лайтлин?

– Я приму чье угодно золото, только предложи. – Дженнер с опаской пострелял глазами по сторонам, как будто собрался поведать о тайном кладе. – Но меня привели сюда причины поважнее золота.

– Важнее золота? – усмехнулся Ральф. – Да ты ли это?

– Намного важнее. – Дженнер вывел вперед кого-то, кто прятался за его спиной, – и Рэйту словно пробили черепушку кинжалом, и боевой задор вытек из него моментально.

Она была невысокой и худенькой и утопала в полинялом плаще. Волосы переплелись нечесаным клубком: облаком темных локонов, что сбивались и трепетали на соленом ветру.

Кожа ее была бледной, ободок ноздрей розоватый, а скулы – хрупкие и изящные, казалось, готовы надломиться от грубого слова.

Она смотрела прямо на Рэйта большими глазами, темными и зелеными, как Матерь Море пред бурей. Она не улыбалась. И не проронила ни слова. Печальная и торжественная, полная загадок, и у Рэйта встали дыбом все волосы. Никакой удар секирой по голове не смог бы так его вырубить, как этот единственный взгляд.

Несколько мгновений отец Ярви стоял, придурковато раззявив рот. Потом захлопнул его, кляцнув челюстью.

– Ральф, отведи Синего Дженнера и его гостью к королеве Лайтлин. Немедленно.

– То был готов убить за право пройти первым, то вообще идти не хочешь? – Рэкки смотрел на него, и до Рэйта дошло, что ратники Горма уже вышагивают вслед за гетландцами, едва не лопаясь от высокомерия. Наверстывают свое за то, что идут вторыми.

– Кто была та девушка? – просипел Рэйт. Перед глазами все кружило, как у пьяного, резко вырванного из хмельной дремоты.

– С каких пор ты стал волноваться о девушках?

– С тех самых, как увидел эту. – Он поморгал, глядя в толпу, надеясь доказать брату и себе, что она ему не померещилась. Но девушка пропала.

– Видать, красуля что надо, раз отвлекла тебя на целую минуту от перебранки.

– Подобных ей я еще не встречал.

– Прости, брат, но женщин ты и в самом деле встречал немногих. Ты ж у нас по части драк. – С ухмылкой Рэкки взвалил на себя громадный черный щит Гром-гиль-Горма. – А по части баб – я, помнишь?

– Ты мне про это вещаешь без устали. – Рэйт водрузил на плечо тяжелый королевский меч и двинулся вслед за братом. И почувствовал, как увесистая длань повелителя потянула его назад.

– Ты, Рэйт, меня крепко расстроил. – Крушитель Мечей придвинул его к себе. – В этих краях полно людей, которых худо иметь во врагах, но я боюсь, что в лице Избранного Щита королевы Лайтлин ты выбрал как раз наихудшего.

Рэйт окрысился:

– Она, государь, меня не пугает.

Горм с лету влепил ему оплеуху. В смысле оплеуху для Горма. Для Рэйта – будто б его хватили веслом. Он пошатнулся, но король поймал его и притянул к себе.

– Меня ранит не то, что ты пытался ее зацепить, но то, что ты не сумел. – Он вмазал другой стороной ладони, и губы Рэйта посолонели от крови. – За каким лешим мне пес, который твякает? Мне нужен пес, который вонзает клыки. Убийца. – И он отвесил третью пощечину. У Рэйта загудела голова. – Боюсь, Рэйт, в тебе еще прячется зернышко жалости. Раздави его, пока ты сам им не подавился.

На прощание Горм потрепал Рэйта по голове. Как отец треплет сына. А может – как охотник гончего пса.

– Столько крови, чтобы насытить меня до конца, тебе, малыш, никогда не пролить. Ты знаешь об этом и сам.

4. В безопасности

Гребешок из шлифованной китовой кости шшух-шшухал по волосам Скары.

Игрушечный меч принца Друина хрусть-бум-бамкал по сундуку в углу.

Голос королевы Лайтлин бу-бу-бубнил без роздыху. Она будто почувствовала – воцарись молчание, и Скара начнет орать, а потом опять орать и не остановится никогда.

– За тем окном, в южной части города, стоят лагерем люди моего мужа.

«Почему они не пришли к нам на помощь?» – хотелось завизжать Скаре, когда она недвижно уставилась на крошечное поле военных шатров, но рот, как положено, понес пристойную чепуху:

– Должно быть, их очень много.

– Две с половиной тысячи преданных гетландцев со всех концов нашей страны.

Скара почувствовала, как сильные пальцы королевы Лайтлин слегка повернули ей голову. Бережно, но очень твердо. Принц Друин издал боевой клич писклявого двухлетки и атаковал гобелен. Гребешок снова пошел шшух-шшух-шшухать, словно ни одна на свете напасть не устоит против опрятно уложенных волос.

– За этим окном, к северу – стан Гром-гиль-Горма. – Огни зыбко мерцали в сгущавшихся сумерках, как звезды по небесному полотну, рассыпанные на темных склонах холмов. – Мне и привидеться не могло: две тысячи ванстерцев, на виду у стен Торлбю.

– Уж точно не с мечами в ножнах, как эти, – резко бросила Колочка Бату из глубины комнаты, – так воин бросает во врага секиру.

– Я видела стычку в порту... – пролепетала Скара.

– Боюсь, не последнюю. – Лайтлин цокнула языком, распутывая узел. У Скары вечно не получалось справиться с волосами, но королева Гетланда не та женщина, которую отпугнет одна-другая непослушная прядь. – Завтра состоится всеобщий сход. Пять часов перебранки кряду, помяни мое слово! Если мы его переживем и никто не погибнет, я посчитаю это подвигом,

И Лайтлин повернула Скару к зеркалу. Безмолвные невольники королевы выкупали ее и оттерли, а замызганную ночнушку сменили на зеленые шелка, привезенные из дальнего путешествия в Первоград, и живо подогнали их по размеру. Шелка с парчовой каймой ничуть не уступали в красоте и изяществе ни одному платью, что Скара носила прежде – а ей доставалось немало прелестных вещиц. До того много и до того заботливо их развешивала мать Кире, что иногда принцессе казалось: это платья носят ее.

Ее окружили высокими стенами, могучими воинами, рабами и роскошью. Ее голове полагалось кружиться только от облегчения. Но, как у бегуны, остановившейся передохнуть на минутку, а после обнаружившей, что не в силах стоять на ногах, безмятежный уют принес Скаре лишь слабость и ломоту во всем теле. Она чувствовала себя разбитой и внутри, и снаружи, одним большим синяком. Ей уже хотелось вернуться назад, на корабль Синего Дженнера под названием «Черный пес», чтобы там трястись от холода, пялиться на капли дождя и трижды в час на содранных коленях подползать поблевать за борт.

– Их носила моя мама, сестра короля Финна. – Лайтлин осторожно закрепила серьгу. С золотых цепочек, тонких, как паутинка, на плечо Скары, казалось, капали малиновые самоцветы.

– Очень красиво, – всхрипнула Скара, вложив все силы, чтобы не забрызгать зеркало рвотой. Она не узнавала глядевшую оттуда девушку: боязливую, красноглазую, хрупкую. Та казалась ей собственным привидением. Возможно, она так и не вырвалась из Ялетофта. Возможно, она до сих пор там – в рабстве у Яркого Йиллинга, навсегда.

В глубине зеркала Колючка Бату присела на корточки возле принца, подвинула его ручонки на деревянной рукояти и замурлыкала, объясняя, как делать правильный взмах. Когда он хватил ее по ноге, девушка взъерошила светлые волосы мальчика и улыбнулась. Шрам-звездочка сморщился на ее щеке.

– Молодец.

Но у Скары не шел из головы меч Яркого Йиллинга, его алмазный эфес, вспышка в блеклой темноте Леса – и грудь у девушки в зеркале начала тяжело вздыматься, задрожали ладони и...

– Скара. – Королева Лайтлин крепко обняла ее за плечи. Суровые и пронизательные серо-голубые глаза привели ее в чувство, возвращая в настоящее. – Расскажешь мне, что там произошло?

– Дедушка ждал, когда придет подмога. – Слова бесцветно гудели, словно вдалеке жужжала пчела. – Мы ждали воинов Атиля, воинов Горма. Никто не пришел...

– Говори.

– Он совсем пал духом. Мать Кире убедила его пойти на мировую. Она отправила голубя, и праматерь Вексен прислала орла с ответом. Если мы сдадим крепость Мыс Бейла и распустим по домам воинов Тровенланда, если позволим армии Верховного короля свободно пройти по нашей земле – она простит нас.

– Но прощение Вексен неведомо, – промолвила Лайтлин.

– Она послала в Ялетофт Яркого Йиллинга поквитаться с нами. – Скара сглотнула кислые слюны, и вздрогнула тонкая шея бледной девушки в зеркале. Личико принца Друина сморщилось от бойцовской решимости: он рубил Колючку игрушечным мечом, а она пальцами отбивала удары. Детский воинственный клич звучал точь-в-точь как тот вой, полный ярости и боли, раздававшийся в темноте, все ближе к ней с каждой минутой. Все ближе к ней с каждым днем.

– Яркий Йиллинг отрубил голову матери Кире. Пронзил деда мечом – тот упал прямо в очаг.

У королевы Лайтлин расширились зрачки.

– Все это произошло... на твоих глазах?

Облако искр, отсветы на улыбках воинов, густая кровь капает с острия меча. Скара судорожно вздохнула и кивнула.

– Я сбежала под видом рабыни Синего Дженнера. Яркий Йиллинг подбросил монету, чтобы решить, надо ли убить и его... но монета...

Монета до сих пор вращалась перед ней в полумраке, до сих пор искрилась огненным цветом.

– Той ночью с тобой были боги, – прошептала Лайтлин.

«Тогда почему они убили мою семью?» – захотелось заорать Скаре, но девушка в зеркале вместо этого болезненно улыбнулась и забормотала благодарственную молитву Той, Что Бросает Жребий.

– Они послали тебя ко мне, родная. – Королева крепко сжала Скару за плечи. – Здесь ты в безопасности.

Всю жизнь вокруг нее высился Лес, подобный несокрушимой горе – и от него остался лишь пепел. Его высокий щипец, простояв двести лет, отныне – груда головешек. Тровенланд разорвали на части, как дым рвется ветром. Отныне не в безопасности больше никто – и нигде.

Скара поймала себя на том, что чешет щеку. На ней до сих пор отпечаток холодных пальцев Яркого Йиллинга.

– Здесь все ко мне так добры! – пролепетала она и постаралась унять едкую боль от отрывки. Слабый живот с самого детства, а с тех пор, как она скатилась со сходней «Черного пса», ее кишки крутило-мотало столь же нещадно, сколь мысли.

– Ты из нашей семьи, а важнее семьи в жизни ничего нет. – На прощание обняв, королева Лайтлин отпустила ее. – Мне надо поговорить с мужем и сыном... то есть с отцом Ярви.

– Разрешите спросить... Синий Дженнер все еще тут?

Неудовольствие королевы было осязаемым.

– Человек этот не многим лучше пирата...

– Вы можете прислать его ко мне? Пожалуйста!

Лайтлин казалась непробиваемой, как камень, однако отчаяние в голосе Скары расслышала.

– Пришлю. Колючка, принцесса вынесла суровые испытания. Побудь вместе с ней. Пошли, Друин.

Принц-карапуз серьезно посмотрел на Скару:

– Пока-пока. – Бросил деревянный меч и побежал за матерью.

Скара разглядывала Колючку Бату. Снизу вверх – девушка возвышалась над ней в полный рост. Избранный Щит обходилась без расчесок сама: с одной стороны голова выстрижена до полущетины, а с другой – волосы скручены в узелки, косички, да на всклокоченные пряди нанизано целое, средней руки, состояние в золотых и серебряных кольцах-гривнах.

Поговаривали, эта женщина билась насмерть против семи мужчин и победила. Эльфийский браслет – награда за подвиг – полыхал желтым огнем на запястье. Эта женщина вместо шелков носила клинки, а вместо драгоценностей – шрамы. Под каблуком ее сапога треснут любые приличия, и извинений от нее не дождешься. Эта женщина не станет вежливо стучаться, скорее проломит дверь собственным лбом.

– Я, что, узница? – намеревалась с вызовом бросить Скара, но наружу вышел лишь мышинный писк.

По лицу Колючки нелегко прочесть ее мысли.

– Вы – принцесса, принцесса.

– По моему опыту, разница невелика.

– Видать, вам не приходилось быть узницей.

Презирает, и кто ее в этом бы упрекнул? У Скары перехватило горло, говорить едва удавалось.

– Сейчас ты наверняка думаешь о том, какая я слабая, податливая, избалованная дуреха. Колючка сделала резкий вдох.

– На самом деле я вспоминала, каково было мне увидеть мертвого отца. – Суровое лицо не смягчилось ни чуточки, однако, смягчился голос. – Я задумалась о том, что бы почувствовала, если б его убивали на моих глазах. Прямо передо мной, и ничего нельзя сделать – только смотреть.

Скара открыла рот, но с губ не слетело ни слова. Не презрение, нет – но искренняя жалость. И жалость осекла ее резче любой насмешки.

– Я знаю, каково это, когда делаешь вид, будто все – трин-трава, – продолжала Колючка. – Знаю получше многих.

Скара чувствовала, что голова у нее вот-вот разлетится на части.

– Я думала о том, что... выпади мне ваша доля... моим слезам не хватило бы моря.

И Скару прорвало беспощадными, невыносимыми и глупыми рыданиями. Глаза зажмурились, и текли, и горели. Ребра колотила дрожь. Судорожно ухало, kloкотало дыхание. Руки опустились, от неистового плача заболело все лицо. Какая-то крошечная ее часть беспокоилась о том, что это далеко не пристойное поведение, но все остальное в ней никак не могло перестать.

Простучали быстрые шаги, и ее, как ребенка, сгребли в охапку, обхватили тесно и крепко, как бабушка, когда они смотрели, как отец горит на погребальном костре. Она вцепилась в Колючку, и заскулила в ее рубаху, и залепетала какие-то недослова, сама не понимая какие.

Колючка не двигалась и ничего не сказала, только долго-долго прижимала Скару к себе. Пока рыдания не сменились на всхлипы, а всхлипы – на рваные полувздохи. И тогда, бережно и мягко, Колючка отстранила ее от себя, выудила кусок белой ткани и, сама насквозь мокрая от слез, промокнула пятнышко на платье Скары и протянула ей этот платок.

– Я им оружие чищу. Однако сдается, твое лицо куда более ценно. А может, и более смертоносно.

– Извини меня, – прошептала Скара.

– Было б за что. – Колючка щелкнула по золотому ключу у себя на шее. – Я реву куда громче, когда поутру просыпаюсь и вспоминаю, за кем я замужем.

И Скара всплакнула и прыснула со смеху – разом, и выдула из носа громадный пузырь. Впервые после той ночи она почувствовала себя кем-то навроде прежней принцессы. Наверное, все-таки она выбралась из Ялетофта.

Пока она вытирала лицо, в дверь настойчиво постучали.

– Это Синий Дженнер.

Было что-то обнадеживающее в его неказистости, когда он, сутулясь, проковылял внутрь. Везде одинаков – что на корме судна, что в королевских покоях. Его присутствие прибавляло сил. Такого человека ей как раз не хватало.

– Ты меня помнишь? – спросила Колючка.

– Такую даму попробуй забудь. – Дженнер присмотрелся к ключу у нее на шее. – Поздравляю с замужеством.

Она фыркнула.

– Только муженька моего не вздумай поздравить. По этому случаю он до сих пор в трауре.

– Вы посылали за мной, принцесса?

– Посылала. – Скара всморкнула остатки слез и расправила плечи. – Какие у тебя дальнейшие планы?

– Из меня не ахти какой планировщик. Королева Лайтлин предложила мне сражаться за Гетланд и назначила достойную цену, но, вишь ты, война – дело молодых. А я, наверно, пушу «Черного пса» вверх по Священной... – Он окинул взглядом Скару и скривился: – Я пообещал матери Кире позаботиться, чтобы вы добрались до родни...

– И, одолев все опасности, обещание исполнил. Не подобает мне просить о большем.

Он скривился сильнее:

– Но все-таки просите?

– Я надеялась, что ты останешься со мной.

– Принцесса... я старый налетчик. Двадцать лет, как миновали мои лучшие дни. Да и в лучшие дни – я был не из лучших.

– Не сомневаюсь. Когда я впервые тебя увидела, то подумала: он источился от непогоды, как чудище на носу старого корабля.

Дженнер поскреб седую скулу.

– Верно подмечено.

– Скверно подмечено. – Скара посадила голос, но, прочистив горло, отдышалась и продолжала: – Мне стало ясно только теперь. Истрепанное носовое чудовище бросало вызов ярости самых свирепых бурь, но, несмотря на ненастья, приводило корабль домой. Лучший мне ни к чему. Я ищу преданного.

Незнамо как, но Дженнер скривился еще сильнее прежнего:

– Всю жизнь, принцесса, я был свободным. Я не заглядывался ни на кого – лишь на неизведанный оком. Не кланялся никому – лишь ветру...

– И оком отблагодарил тебя? Вознаградил ветер?

– Признаюсь, хиловато.

– А я – сумею. – Она обхватила его шершавую ладонь обеими своими. – У свободного человека должна быть цель в жизни.

Он потупился на свою руку в ее ладонях, затем поднял глаза на Колючку.

Та пожала плечами.

– Воин, который дерется лишь за себя – ничем не лучше убийцы.

– Ты испытан на деле, я могу на тебя положиться. – Скара вновь вернула к себе внимание разбойника и не отпускала его. – Остайся. Прошу, пожалуйста.

– О, боги-боги! – задубелая кожа под глазами Дженнера собралась от улыбки в мешковатые складки. – Вот как мне теперь ответить отказом?

– Не нужно отказа. Ответь, что поможешь мне.

– Я ваш человек, принцесса. Клянусь. Клянусь луною и солнцем. – На миг он примолк. – Но все же, помочь вам – в чем?

Скара сделала прерывистый вдох.

– Помнишь, я сказала, что увижу свободный Тровенланд и заново отстроенный дворец деда, а тушу Яркого Йиллинга склюют вороны?

Синий Дженнер поднял мохнатые брови.

– За Йиллингом стоит вся мощь Верховного короля. Говорят, целых пятьдесят тысяч мечей.

– Звон мечей – всего лишь полвойны. – Она прижала палец к виску, так сильно болела голова. – Другая половина ведется здесь.

– Значит... вы что-то задумали?

– Что-нибудь на ум да взбредет. – Она выпустила руку Синего Дженнера и повернулась к Колючке: – Ты ходила на корабле в Первый Град с отцом Ярви?

Колючка настороженно поглядела на Скару вдоль своего не раз перебитого носа, пытаясь разгадать, что стоит за этим вопросом.

– Айе, мы с отцом Ярви ходили в плавание.

– Ты дралась в поединке с Гром-гиль-Гормом.

– Было и такое.

– Ты – Избранный Щит королевы Лайтлин.

– Знаете сами.

– И, стоя за ее плечом, далеко не раз встречалась с королем Атилем?

– Поболе многих.

Скара смахнула с ресниц последние слезы. Больше плакать ей не дозволено. Придется быть храброй, сильной и умной, какой бы слабой и боязливой ни чувствовала себя она. Пора сражаться за Тровенланд, ведь больше сражаться некому, и слова станут ее оружием.

– Расскажи мне про них, – проговорила она.

– Что вы хотите узнать?

Знание – сила, – повторяла мать Кире, когда Скара жаловалась ей на обрыдлие, бесконечные уроки.

– Я хочу узнать все.

5. За нас обоих

Рэйта подбросило, вырывая из сна. Кто-то его схватил.

Одним рывком он поймал мерзавца за глотку и припечатал к стене. Зарычал, брызжа слюной, и вскинул нож.

– О, боги, Рэйт! Это я! Я!

Вот только теперь, в беглом свете факела под коридорным сводом, Рэйт разглядел, что вцепился в собственного брата – и уже тянулся перерезать ему горло.

Сердце бухало, что твой молот. Некоторое время ушло на то, чтобы разобраться, где он. В цитадели Торлбю. В коридоре у Гормовой двери, запутанный в одеяле. Там, где и должен быть.

– Ты так меня не буди, – сварливо бросил он и с трудом разжал пальцы левой руки. Когда он просыпался, их постоянно сводило.

– Не будить? – прошептал Рэкки. – Да ты б своими криками перебудил весь Торлбю. Опять сны?

– Нет, – буркнул Рэйт и откинулся к стене, скребя ногтями виски. – Не знаю.

Сны, полные огня. Потоков дыма и смрада пожарищ. Безумных отблесков в глазах воинов, в глазах псов. Безумных отсветов на лице той женщины. Ее воплей, пока она выла в ужасе за детей.

Рэкки протянул флягу, Рэйт выхватил ее и прополоскал рот: и сверху, и внутри саднили болячки от гормональных туманов – ладно, уже не впервой. Плеснул водой на ладонь, размазал по лицу. Его знобило от холодного пота.

– Не нравится мне это, Рэйт. Боюсь я за тебя.

– Ты – боишься за меня? – В потасовке меч Горма сшибли на пол. Рэйт поднял его и крепко прижал к груди. Если владыка увидит, что его оружие без присмотра стынет на плитах, то закатит еще одну оплеуху, а может, чего и похуже. – Это что-то новенькое.

– Не совсем. Я о тебе уже давно беспокоюсь. – Рэкки тревожно покосился на дверь королевской опочивальни, придвинулся и вкрадчиво зашептал: – Ведь мы запросто можем взять и уйти. Разыщем корабль, что увезет нас по Святой и Запретной – как ты любишь повторять. Как любил повторять, во всяком случае.

Рэйт кивнул на дверь.

– По-твоему, он нас возьмет и отпустит? А мать Скейр помашет нам с улыбкой на прощанье? – Он фыркнул. – Это ж вроде тебе полагается быть из нас умным? Мечтать приятно, но обратного пути у нас нет. Забыл, как мы жили раньше? Как мерзли, как недоедали, как вечно тряслись от страха?

– Разве ты больше не трясешься от страха? – Рэкки произнес это так кротко, что в Рэйте тут же закипела лютая злоба. Закипела и смыла отголоски кошмарных снов. Злоба – неплохой ответ на большинство бед, надо сказать.

– Не совсем! – рявкнул он, потрясая мечом Горма так, что брат невольно отпрянул. – Я – воин, и в этой войне я намерен завоевать себе славу и заодно столько колец, чтобы нам уже никогда не пришлось голодать. Здесь мое место по праву! Не за это ли право я бился?

– Айе, за него ты и бился.

– Мы служим королю! – Рэйт силился вызвать в себе ту, прежнюю гордость. – Величайшему воителю на всем море Осколков. Непобежденному – ни в поединке, ни в битве. Ты у нас часто молишься. Ну, так воздай благодарность матери Войне за то, что мы на стороне победителей!

Рэкки сидел, подпирая спиной могучий, в боевых засечках, щит Горма, и таранился на брата. В зрачках мигали сполохи факела. Странное дело, откуда на его лице, столь явно напоминающем Рэйтово, возникало совершенно несхожее выражение? Порой они казались драко-

ными головами на двух штевнях: навеки делят одно и то же судно, но обречены глядеть в разные стороны.

– Впереди неслыханное человекоубийство, – понуро пробормотал Рэки. – Небывалое.

– Согласен, – проговорил Рэйт и улегся. Повернувшись к брату спиной, он обнял меч Горма и натянул на плечо одеяло. – На то и война.

– Не люблю я, когда убивают.

Рэйт попытался обронить будто о пустяке, но не справился с голосом:

– Я готов убивать за нас обоих.

Тишина.

– Вот этого я и боюсь.

6. Чуткие руки

Колл выстукал последнюю руну, сдул древесную пыль и улыбнулся. Ножны закончены, он хорошо потрудился и был доволен итогом.

Он издавна любил работать с деревом: оно не скрывает тайн, не произносит лживых слов, и нанесенный на него сегодня узор останется на своем месте и завтра.

Это тебе не ремесло служителя, свитое из дыма и угадаек. Где слова – инструменты поковарнее долота, а люди переменчивы, как Матерь Море.

Спину словно обожгло теплом. Это Рин потянулась через его плечи и подушечкой пальца провела вдоль палочки одной из рун.

– Что они означают?

– Пять имен Матери Войны.

– О, боги, какая тонкая работа. – Рука ее скользнула по темному дереву, задерживаясь на резных мореходах, зверях и деревьях. Фигурки искусно перетекали одна в другую. – У тебя чуткие руки, Колл. Самые чуткие из всех.

Она надела на кончик ножен свою работу: блестящую оковку, которой кузнечные инструменты придали сходство с головой змея. Наконечник сел идеально – подогнан, как ключ к замку.

– Представь, какие прекрасные вещи мы сотворим с тобой вместе. – Ее зачерненные от железа пальцы проскользнули, как в пазы, между его – побуревших от дерева. – Согласись, что это судьба? Мой меч. Твои ножны. – Другая ее рука прошла поперек его бедра, всколыхнув легкой дрожью. – И наоборот, твой...

– Рин...

– Ладно, ладно – не меч, а кинжальчик. – Смех слышался в ее голосе, щекотал ему шею. Он был влюблен в ее смех.

– Рин, нельзя. Бранд мне как брат...

– Так не ложись в постель с Брандом – и не будет тебе горя.

– Я – ученик отца Ярви.

– Не ложись с отцом Ярви. – Губы слегка прикоснулись к его шее, и по телу пробежали мурашки.

– Он спас маму. Спас мне жизнь. Он освободил нас.

Губы плясали уже возле самого его уха: от их гремящего шепота он втянул голову в плечи, зацокали гирьки на ремешке.

– Как это он тебя освободил, коль ты собою распоряжаться не вправе?

– Я перед ним в долгу, Рин.

С каждым вдохом ее грудь прикасалась к его спине. Пальцы сплелись, крепко обхватив его ладонь. Девушка была не слабее его. Вероятно – сильнее. Чтобы сохранить ясность мысли, пришлось прикрыть глаза.

– Когда война отгремит, я пройду испытание служителя, и принесу клятву служителя, и стану зваться брат Колл, и у меня не будет ни семьи, ни жены... ах!

Ее рука шурхнула между его ног.

– А до тех пор-то, чего стесняешься?

– Ничего. – И он повернулся к ней, сунул руку в ее стриженные волосы, потянул к себе. Оба рассмеялись и сразу же поцеловались, жадно и влажно, напнулись на верстак, и сбитые инструменты с лязгом и грохотом посыпались на пол.

Когда он сюда приходил, примерно так все всегда и оканчивалось. Вот почему он шел сюда снова и снова.

Гладко, как лосось, она вывернулась из его рук, подскочила к зажиму на верстаке, схватила оселок и принялась скрупулезно изучать клинок, над которым трудилась – будто прозанималась все утро одной заточкой.

Колл заморгал:

– Что за...

Грохнула дверь, и в мастерскую вошел Бранд. Колл заметался посреди комнаты – с могучим шатром в штанах.

– Хей, Колл, – поприветствовал Бранд. – Чего это ты тут делаешь?

– Ножны зашел закончить, – выдавил он. На лице полыхнул багрянец, он быстро повернулся к верстаку и смахнул на пол стружку.

– Ну, дай-ка гляну. – Бранд водрузил на плечо Колла руку. Боженки, рука-то здоровенная: перекачиваются мускулы, шрам от каната опоясал запястье. Колл вспомнил, как на его глазах Бранд подставил плечи под вес целого корабля, который иначе неминуемо раздавил бы Колла насмерть. Потом он прикинул, каково будет огрести такой ручищей по морде, если Бранду откроется все, чем его сестра и Колл занимались. И сглотнул – с превеликим трудом.

Но Бранд всего лишь смахнул с лица резчика соломенные волосы и заулыбался.

– Прекрасная работа. На тебе божья благодать, Колл. Тебя отметили те же боги, что и мою сестру.

– Она... очень... богобоязненная девушка. – Колл неловко ерзнул, приводя в порядок штанины. Рин за спиной брата свирепо выпятила надутые губы.

Слава богам, Бранд вечно ничего не замечал. Силен, предан и мягок нравом, как упряжная лошадь, он мог, однако, служить настоящим образцом невнимательности. Наверное, нельзя жить в браке с Колючкой Бату, если не научиться пропускать мимо себя уйму неприятных вещей.

Колл попробовал его отвлечь:

– Как там Колючка?

Бранд замешкался, словно решал в уме сложную головоломку.

– Колючка – как Колючка. Но я об этом знал, когда брал ее в жены. – Он усмехнулся Коллу в своем беспомощном духе. – По-другому и быть не могло.

– С такой, как она, непросто жить вместе.

– Расскажу каково, когда заживем! Полсуток она с королевой, половину остального времени упражняется нещадней прежнего, а дома уснула б скорей, тогда, глядишь, не найдется повод для ссоры. – Он утомленно почесал затылок. – Хотя и об этом, когда женился, я тоже знал.

– С такой, как она, непросто жить порознь.

– Эхехе. – Бранд уставился в пустоту, словно престарелый солдат, которому до сих пор никак не осмыслить кровавых ужасов прошлого. – Ей, как два пальца, сварить драку из самой мирной крупы. Но всякое стоящее дело – нелегкое. Я люблю ее, пускай она и такая. За то, что она такая, я и люблю ее. – Лицо его вновь прорезала та беспомощная усмешка. – Ну, зато без приключений – ни дня.

Громко стукнули в дверь. Бранд встряхнулся и пошел открывать. Рин, дурачась, изобразила воздушный поцелуй. Колл изобразил, как нежно прижимает его к сердцу, а Рин изобразила, как окатывает рвотой верстак. Когда она так себя вела, он млел от любви.

– Рад тебя видеть, Бранд. – Колл вскинул голову. Неожиданно было повстречаться с наставником в кузнице Рин.

– Взаимно, отец Ярви.

Долгое совместное путешествие роднит по-особому. И хотя столь несхожих, как Ярви и Бранд, найти было трудно, мужчины обнялись, и служитель шлепнул сухой рукой по спине кузнеца, как побратима.

– Как успехи в делах клиночных? – окликнул он Рин.

– Без добрых клинков людям не обойтись никогда, – отозвалась она. – А как нынче в деле плетения слов?

– Без добрых слов людям тоже вечно невмоготу.

При взгляде на Колла служитель сменил улыбку на привычную строгость.

– Я так и чувствовал, что ты окажешься здесь. Солнце перевалило за полдень.

– Уже? – Колл кинулся стаскивать фартук и запутался в ляшках. Выбравшись, швырнул рабочую одежду на пол и отряхнул руки от древесной пыли.

– Вообще-то обычно ученик приходит к наставнику. – Посох из эльфийского металла звонко застучал об пол в такт походке служителя. – Ты мой ученик или нет?

– Конечно ваш, отец Ярви, – выпалил Колл, виновато отодвигаясь подальше от Рин.

Ярви бегло сощурился – на одного, на другую. Ничего, ясно дело, не упуская. Мало кто столь же внимательно все замечал, как он.

– Скажи мне, что ты покормил голубей.

– И клетки вычистил, и новые травы рассортировал, и двадцать страниц летописи Гетланда, записанной матерью Гундринг, прочитал, и пятьдесят слов по-калейски выучил. – Нескончаемые вопросы Колла доводили его мать до безумия, но обучение на служителя давало столько ответов, что голова грозила лопнуть.

– Невежество питает страх, Колл. Знание страх убивает. А как у тебя с движением звезд? Ты перечертил карты, что я дал?

Колл схватился за голову.

– Ей-боженьки, простите меня, отец Ярви. Попозже обязательно перечерчу.

– Не сегодня. Через час начинается большой сход, а перед этим надо разгрузить корабль. Колл с надеждой взглянул на Бранда:

– Я не силен передвигать короба...

– Сосуды. И передвигать их надо очень осторожно. Дар Императрицы Виалины проделал весь путь по Святой и Запретной.

– Вы имеете в виду – подарок от Сумаэль? – заметил Бранд.

– Подарок от Сумаэль. – При этом имени отец Ярви мечтательно улыбнулся. – Наше оружие против Верховного короля...

Он смолк и шагнул между Коллом и Рин, придерживая посох на сгибе локтя. Здоровой рукой приподнял ножны и, чтобы рассмотреть руны, повернул изделие на свет.

– Матерь Война, – бормотнул он. – Воронья Мать. Оперенная Сталью. Сбирательница Павших. Та, Что Сжимает Твою Ладонь В Кулак. Это вырезал ты?

– А есть другой, способный так сделать? – заметила Рин. – Окантовка важна не меньше меча. Добрый клинок обнажают редко, значит, люди будут глазеть на ножны.

– Когда ты принесешь обет служителя, Колл, искусство резьбы по дереву понесет утрату. – Ярви тяжело вздохнул. – Но мир нельзя изменить долотом.

– Можно. Пусть понемногу... – Рин сложила на груди руки и вперила в служителя взгляд. – Но главное, к лучшему.

– Его мать просила меня сделать сына настоящим мужчиной.

Колл бешено замотал головой за спиною наставника, но Рин затыкаться не собиралась.

– Кое-кому дорог тот мужчина, которым он уже сделался, – твердо сказала она.

– Значит, это все, чем ты бы хотел заниматься, Колл? Вырезать фигурки и руны? – Отец Ярви со стуком бросил ножны на верстак и положил свою высохшую руку ему на плечо. – Или ты бы желал стоять у плеч королей и править курсом эпохи?

Колл хлопал ресницами – на одного, на другую. Боженьки, он не хотел огорчать их обоих, только куда деваться? Отец Ярви освободил его. А есть ли сын раба, который не желал бы встать у королевского плеча и не бояться будущего, прожить жизнь почитаемым и могущественным?

– Курсом эпохи, – виновато потупившись, пробубнил он. – Наверно...

7. Друзья по несчастью

Рэйт совсем свихнулся от скуки.

На войне, по идее, полагается драться.

А война с Верховным королем явно сулила самую крупную драку, о какой только можно мечтать. Но теперь он понял: чем крупнее война, тем большая доля в ней болтовни. Болтовни, ожидания и просиживания задницы.

Здесь благородный люд расселся по трем длинным, расставленным подковой столам. Богатство кубков возвещало о звании и знатности пьющих. С одной стороны располагались гетландцы, напротив них – ванстерцы, а посередине стояла дюжина кресел для тровенландцев. Пустых, поскольку из Тровенланда так никто и не прибыл, и Рэйт бы с удовольствием последовал их примеру.

Речь отца Ярви нагоняла зевоту:

– Семь дней назад я встречался с посланницей праматери Вексен.

– Надо было взять и меня! – сердито воскликнула мать Скейр.

– К сожалению, не вышло – не было времени. – Ярви жестом здоровой руки показал, что искреннее его не сыскать на всем свете. – Однако вы потеряли немного. Мать Адуин попыталась меня убить.

– Я ее уже люблю, – шепнул брату Рэйт, и тот захихикал.

Рэйт предпочел бы постель со скорпионом десятку слов от этого прохиндея с одним кулаком. Рэки взял привычку звать его Пауком, и служитель, без дураков, таким и был – тощим, неприметным и ядовитым. Но, если ты не муха, паукам ты без надобности. Отец же Ярви плел тенета на людей, и нельзя было предсказать заранее, кому грозило в них угодить.

Немногим лучше и его подмастерье. Долговязый пацан – волоса как у пугала, на бороде кусками не пойми какого цвета щетина, сам суетливый, дерганный, глаза бегают. И лыбится, вечно лыбится, будто всем он друг, но так дружбу Рэйта не завоеуешь. Ярость во взгляде, ненависть или боль не обманут. А под улыбкой можно спрятать что хочешь.

Отстраняясь от гомона, Рэйт запрокинул голову на необъятный купол Зала Богов. Внушительная постройка. Правда, какой прок от зданий, кроме как жечь их дотла, Рэйт не знал. Каменные Высокие боги скрестили на нем осуждающие взгляды, и Рэйт нахально скривился в ответ. Кроме редких, в полсердца, молитв Матери Войне, не ведал проку он и в богах.

– Праматерь Вексен объявила нас изменниками и колдунами. По ее указу нас надлежит стереть с лица земли. – Отец Ярви бросил на стол свиток, и Рэйт застонал. В свитках еще меньше проку, чем в зданиях и богах. – Она вознамерилась нас уничтожить.

– И никакого мирного предложения? – спросила королева Лайтлин.

Отец Ярви на миг покосился на ученика и покачал головой.

– Никакого.

Королева горестно вздохнула.

– Я надеялась хоть на малую зацепку для переговоров. Кровопролитие не сулит выгоды.

– А это смотря как и чью кровь проливать. – Горм мрачно воззрился на пустые кресла. – Когда ж король Финн пожалует к нам со своею мудростью?

– И через тысячу лет не наступит тот срок, – сказал Ярви. – Финн мертв. – Эхо его слов сгнуло в вышине Зала Богов. На потрясенное собрание опустилось безмолвие. Даже Рэйт разул уши.

– В залог мира мать Кире сдала ключ от Мыса Бейла. Праматерь Вексен нарушила обещание. По ее слову Яркий Йиллинг отплыл в Ялетофт. Он убил короля Финна и спалил город до основания.

– Выходит, подмоги из Тровенланда ждать нечего. – Сестра Ауд, пухленькая ученица матери Скейр, при этой вести едва не ударилась в слезы. Рэйт лишь усмехался. Может, они хоть сейчас зашевелиятся.

– Одна из жертв осталась в живых. – Королева Лайтлин шелкнула пальцами, и, покачнувшись, двери Зала Богов распахнулись. – Дочь государя Финна, принцесса Скара.

Яркий свет дня очертил два черных силуэта в проеме. Когда они ступили внутрь, по шлифованным плитам пола протянулись длинные тени. Одним оказался Синий Дженнер, такой же потрепанный и лохматый, как тем разом на причале. Кто рядом с ним, догадаться было труднее.

Платье тончайшей зеленой ткани переливалось, искрилось на ней в мутном факельном свете. Отведены назад плечи, и тени сгущались в ямках ключиц. Самоцветы из серег текли ручьем: вниз, вдоль тонкой шеи, и вверх, по хрупкому плечу. Багрянцем горел кровавый камень на золотом обруче. Темные волосы, что прежде клубились призрачным роем, нынче умещены, заплетены и заколоты в сверкающие завитки.

Боги, как она переменилась! Но Рэйт ее тут же узнал.

– Это она, – выдохнул он. – Та дева, в порту!

Рэки придвинулся и прошептал:

– Я в тебе, братик, души не чаю, но ты замахнулся чутка высокогато.

– Я обязана воздать благодарность. – Бледной смотрелась она и хрупкой, как яичная скорлупа. Однако голос прозвенел чисто и громко в тот миг, когда огромные зеленые глаза Скары обратились к нависавшим над ней Высоким богам. – Хвала богам, что унесли меня из лап Яркого Йиллинга. Спасибо добрым хозяевам, что приютили меня в годину одиночества. Моей тетушке, королеве Лайтлин, чьи проникательность и хитроумие известны всем, но чья глубина сострадания открылась мне лишь недавно! И Атилю, Железному королю, чьи железная воля и железный закон на слуху по всему морю Осколков.

Король Атиль слегка шевельнул бровью. Так и должно выражать восторг при этом старом медвежьем капкане вместо лица.

– Добро пожаловать в семью, принцесса.

С низким, изящным поклоном Скара обратилась к ванстерцам:

– Гром-гиль-Горм, король Ванстерланда, Крушитель Мечей – для меня честь ступить под вашу необъятную тень. Я б до ночи пересказывала легенды, что ходили в Ялетофте о вашей силе и знаменитой удаче в бою. Но, как ни старайся я, ваша цепь все равно куда более красноречивый сказитель.

– Прежде я считал, что ей не занимать красноречия. – Горм оттянул пальцем цепь из наверхий, срубленных с клинков убитых им противников. Четырежды обернулась она вокруг могучего древа его шеи. – Пока не услышал ваши речи, принцесса. Теперь же не знаю и сам.

Слова, и ничего более. Но даже Рэйт, умеющий льстить не лучше собаки, разглядел, насколько выверенно отмыкала гордость властителей каждая похвала – так ключ входит в замочную скважину. Погода в Зале Богов уже прояснилась. Союз держав и так обильно полили укусом. Скара предложила медку, и все на него набросились с удовольствием.

– Великие государи, – обратилась она, – мудрые государыни, достославные воины и искусные служители, собравшиеся здесь. – Она прижала к животу узенькую ладонь, и Рэиту показалось, что он заметил, как та дрожит. Однако девушка сцепила руки и продолжала: – Я молода и не имею права заседать среди вас, но никого другого выступить от имени Тровенланда нет. Не ради самой себя, но во благо моего бедного народа, беззащитного перед полчищами Верховного короля, я молю вас: позвольте мне занять дедушкино кресло.

Может, дело было в том, что она не примкнула ни к одной стороне. Может, в том, что была юна, скромна и не имела друзей. Или в музыке ее голоса – но, как бы то ни было, когда он звучал, в зале творилось настоящее волшебство. Только что в общий гвалт нельзя было вста-

вить и слова, даже протолкнуть на острие копья, а теперь собрание гордецов и героев окутало задумчивое молчание.

Заговорил король Атиль, будто ворона закаркала после соловьиной трели:

– Неучтиво отказывать в столь изысканно поданной просьбе.

Наконец-то два короля нашли, на чем им сойтись.

– Это нам пристало молить вас присесть, принцесса Скара, – молвил Горм.

Рэйт смотрел, как легко принцесса ступает к креслу, предназначавшемуся для короля Финна. Походкой столь плавной, что кувшин эля не упал бы с ее головы. Утонченность момента подпортил только Синий Дженнер. Моряк плюхнулся рядом, как гребец на рундук у весла.

Горм насутился на старого торговца.

– Принцессе не к лицу столь жалкая свита.

– Не стану спорить, – сверкнул Синий Дженнер дырявой ухмылкой. – Поверьте, я не вызывался на это место.

– Правителю потребуется слуга, – заметила мать Скейр. – Для помощи в выборе наименьшего зла.

Ярви настороженно нахмурился со своей половины зала.

– А также большего блага.

– Совершенно верно. Моя ученица, сестра Ауд сведуща в языках и обычаях моря Осколков. Вдобавок она – искусный и сообразительный лекарь.

Рэйт едва не расхохотался. Сестра Ауд остолбенело вытаращила глаза на наставницу и казалась столь же сообразительной, как вареная репа.

– Замечательно, – произнес Горм, – однако, помимо верных советов принцессе необходима и верная стража.

Льдом покрылся голос Лайтлин:

– Мою племянницу защищают мои воины.

– А от них-то кто ее защитит? Я выделю своего личного меченосца. – Увесистая Гормова длань шлепнула Рэйта по плечу, как удар молнии, и пришибла его веселье насмерть. – Моего чашника. Я вручаю ему свою жизнь всякий раз, когда пью, а я выпиваю частенько. Рэйт будет спать за вашей дверью, принцесса, и стеречь надежнее любого пса.

– Надежней бы развести за ее дверью гадючий выводок, – буркнула Колючка Бату, и Рэйт не более нее светился от счастья. Он бы глазел на Скару весь день напролет, но быть сорванным с места, за которое бился всю жизнь, и отданным ей в рабы – участь не из приятных.

– Государь мой... – зашептал он под сердитый ропот со всех углов. Годами Рэйт с братом вместе прислуживали королю. И то, что его можно взять и выбросить, не моргнув глазом, поразило, как нож под ребра. К тому же кто тогда позаботится о Рэкки? Давно ясно, что сильный-то из них – Рэйт.

Горм надавил жестче.

– Она – племянница Лайтлин, – проорчал он. – Почитай гетландка. Не спускай с нее глаз.

– Но моя обязанность – сражаться за вас, а не играть в няньку при...

Огромные пальцы сжались с сокрушительной силой, и Рэйт невольно охнул.

– Никогда не заставляй меня просить дважды.

– Друзья! Прошу вас! – воскликнула Скара. – У нас слишком много врагов, чтобы спорить друг с другом! С благодарностью принимаю ваши советы, сестра Ауд. И вашу защиту, Рэйт.

Рэйт окинул глазами собрание. Все эти холодные взгляды сейчас скрестились на нем. Королевское слово сказано. Оруженосцу добавить нечего – как гончому псу на хозяйской охоте.

Взвизгнули ножки кресла: он встал и деревянными пальцами стянул с плеча перевязь великого меча Горма. Этот меч он точил, чистил, всюду таскал, спал с ним в обнимку целых три года. И настолько привык к его тяжести, что сейчас почувствовал себя кривобоком. Стоило

бы швырнуть его на пол, но как себя перебороть? Он безропотно прислонил оружие владыки к креслу, на прощанье потрепал по плечу остолбеневшего брата и в один миг из королевского меченосца перешел в ручные собачки принцессы.

Тишина осерчала, когда шарканье его шагов вторглось в ее владения, и Рэйт бревном упал на сиденье подле новой хозяйки. Наголову разбитый безо всякого боя.

– Не пора ли вернуться к вопросам войны? – проскрежетал король Атиль, и сход по новой пошел рядиться, кто в этих вопросах главнее.

Скара не удостоила новую зверушку и взглядом. С чего бы? С тем же успехом они могли родиться в разных мирах. Она казалась Рэйту хрустальной: строгой и совершенной, как древняя работа эльфийских рук. Спокойна, уверена и безмятежна на совете великих, словно горное озеро под звездным небом.

Девушка – женщина, – которая не ведает страха.

8. Бейлова кровь

Даже перед самым Ярким Йиллингом Скара не была так напугана.

Ночью она не спала и секунды – без передышки перелопачивала в уме, что ей надо сказать и как ей это сказать, перетряхивала уроки матери Кире, вспоминала дедушкины речи, шептала во тьме молитвы Той, Что Прорекла Первое Слово.

На завтрак она не съела и крошки – без передышки крутило живот от волнения. Ощущение такое, будто задница вот-вот в самом деле отвалится. И неотвязная мысль: что будет, если посреди сего благородного общества принцесса не выдержит и как следует перднет?

Сжав пальцы добела, она цеплялась за подлокотники, словно ее швыряло бурное море. Из мглы Зала Богов выплывали сердитые лица. Надо, невзирая на труд, в них вчитаться, как учила мать Кире. Разгадать их, раскрыть скрывающиеся за ними надежды, тревоги, тайны – и обратить своему делу на пользу. Она прикрыла глаза, вновь и вновь повторяя про себя дедушкины слова. *Ты всегда была храброй, Скара. Храброй. Всегда храброй.*

Едва ль навевал ей спокойствие и этот Рэйт, молодой ванстерландец. Чего уж там – он поражал своим видом. Поражал – как секирой в кадык. Суровый, бледный, твердый, как чеканное серебро; под порванным ухом глубокий порез и гневно наморщенный лоб; короткие волосы, рассеченные брови и даже ресницы – белесые, словно из него выжали, выдавили всю теплоту, и осталась одна ледяная надменность.

С тем же успехом они могли родиться в разных мирах. С виду суров и задирист, как бойцовый пес, а среди этих смертельно опасных людей спокоен и невозмутим, как волк во главе собственной стаи. Ему бы впору скалить зубы в ряду Сподвижников Йиллинга Яркого – и Скара сглотнула отрыжку и попыталась представить, будто его тут нет.

– Всех нас ждет Смерть. – Скрежет короля Атиля эхом звенел в ушах. Властитель, верно, стоял у края каменного колодца, где она тонула на дне. – Мудрый воин выберет меч. Собьет врага с толку, застигнет врасплох и ударит в самое сердце. Последнее слово всегда остается за сталью. Мы должны напасть первыми.

На Атилевой половине зала предсказуемо поднялся одобрителный шум. На Гормовой – предсказуемое ворчание.

– Мудрый воин не летит сломя голову в руки Смерти. Он выберет щит. – Горм ласково погладил громадный черный щит, который носил Рэитов близнец. – И выманит врага на свою, удобную местность, и сокрушит, сам диктуя условия схватки.

Король Атиль хмыкнул:

– И чего ты завоевал, выбрав щит? В этом самом зале я вызвал тебя на бой; из этого зала ты слинял, как побитая шавка.

Сестра Ауд пробралась вперед. Ее лицо напомнило Скаре о персиках, поспевавших у стен Мыса Бейла: пухлое, круглое, в розоватых крапинках и пушистых тонюсеньких волосках.

– Государи, делу не поможет...

Но Гром-гиль-Горм прогрохотал поверх ее слов, точно грозовой раскат над птичьим щебетом:

– Крайний раз, когда гетландец выходил против ванстерца, твой славный меч куда-то запропастился, о Железный король. Взамен себя ты послал драться бабу, и я побил ее, но решил сохранить ей жизнь...

– Можем повторить, когда вам будет угодно, о здоровенный кусок говна, – рывкнула Колючка Бату.

Скара заметила, как Рэйт стиснул подлокотник кресла. Шрамы исчеркали толстые костяшки на большой, бледной руке. На руке, чья естественная форма – сжатый кулак. Скара придержала его запястье и встала на ноги первой.

– Мы должны отыскать середину! – в голос воззвала она к сходу. По правде говоря, истошно взвизгнула. И поперхнулась, когда все глаза уставились на нее, приветливо, как строй нацеленных глевий. – Мудрый воин наверняка возьмет и щит, и меч, чтобы в нужный момент использовать и то и другое.

Казалось, с этим ну никак не поспоришь, однако совет преодолел эту трудность.

– Обсуждать стратегию положено тем, кто поведет корабли, – высказал упертый, как дуб, король Атиль.

– От вас нашему союзу прибыток – лишь одна судовая команда, – высказал, оглаживая цепь, Горм-гиль-Горм.

– Неплохая команда, – заметил Дженнер. – Но что одна – то одна, спору нет.

Сестра Ауд предприняла новую попытку:

– Надлежащие правила сходов, изложенные Ашенлир в стародавние времена, наделяют равными голосами всех участников союза, независимо от... вне зависимости... – Сестра перехватила взгляд своей бывшей наставницы, матери Скейр, полный лютой северной выюги, и голосок ее сгинул под необъятными сводами Зала Богов.

Спокойствие в голосе далось Скаре не без труда.

– Я привела бы и другие суда, будь жив мой дед.

– Вот только он умер, – отрезал Атиль, не утруждаясь учтивостью.

Горм косо посмотрел на соперника.

– А перед этим предал нас праматери Вексен.

– А вы что, оставили ему выбор?! – гаркнула Скара. Волна вскипевшей в ней ярости застала всех врасплох, в первую очередь ее саму. – Надо думать, его союзники наперебой спешили с подмогой, а не препирались, кому где усесться, пока он погибал в одиночку!

Если слова и впрямь были оружием, то эти вонзились в цель. Не тратя даром минуту предоставленной ей тишины, она придвинулась и – крохотные, да – уперла в стол кулачки, как прежде делал дед.

– Яркий Йиллинг гонит пламя пожаров в глубь тровенских земель! Выкашивает любые остатки сопротивления. Мостит дорогу для огромной армии Верховного короля. Он мнит себя неуязвимым! – После того как высокомерие Йиллинга наждаком прошло по гордыне собравшихся, она мягко добавила: – Но свои корабли он позабросил.

Серые глаза Атиля сощурились.

– Корабль – самое верное оружие воина. Его источник припасов, его путь отступления.

– Его кров и очаг. – Горм, тщательно приглаживая, пропустил бороду сквозь пальцы. – Где же стоят ладьи Яркого Йиллинга?

Скара облизнула губы.

– В гавани Мыса Бейла.

– Ха-ха! – На татуированном предплечье матери Скейр загремели эльфийские талисманы, служительница единым жестом отмела весь замысел. – Под надежной защитой непродолимых цепей!

– Возведенная эльфами крепость, – проговорил отец Ярви, – неприступна.

– Нет! – возглас Скары, как хлопок, отразился от купола. – Там я родилась и знаю слабые места.

Атиль раздраженно скривился, однако Лайтлин легонечко опустила невесомую ладонь на его сжатый кулак.

– Позвольте ей высказаться, – прильнув, промурлыкала королева. От взгляда на жену грозное и суровое лицо короля на миг смягчилось, и Скара призадумалась: вправду ли этот человек из железа или все же из плоти, как прочие, вот только заперт в железной клетке собственной славы.

– Говорите, принцесса, – молвил он и, откидываясь в кресле, перевернул ладонь, чтобы взять Лайтлин за руку.

Скара вытянула шею, чеканно вбивая слова во все концы зала, стараясь всеми силами наполнить чертог своим устремлением и надеждой и заставить каждого слушателя принять ее точно собственные. Так, как учила мать Кире.

– Эльфийские стены непробиваемы, но часть их была разрушена при Сокрушении Божиим, а бреши заделаны уже людьми. И Матерь Море неустанно подтачивает их основание.

Чтобы их укрепить, дедушка возвел два огромных устоя у скал в юго-западном углу. Эти подпоры так велики, что стоят почти вплотную. Проворный парень мог бы вскарабкаться между ними и помочь взобраться другим.

– Проворный дурень, – буркнул Горм.

– Ну пускай пара-тройка проберется внутрь, – произнес Атиль. – Яркий Йиллинг – испытанный вождь. Он не сгруппит и не бросит главные ворота без охраны...

– Есть еще один путь – калитка, потайная. Такой ширины, чтоб пройти по одному. Но она позволит проникнуть в крепость остальным вашим воинам. – У Скары перехватило голос от неистовой жажды убедить сход, однако под рукой оказался Синий Дженнер, куда лучший дипломат, чем казалось с первого взгляда.

– Мои познания невелики, – сказал он, – но я знаю море Осколков, и Мыс Бейла есть замок к нему и ключ. Крепость властвует над проливами Скегенхауса. Вот почему праматерь Вексен так рвалась ее заполучить. Пока крепость в руках Яркого Йиллинга, он способен нанести удар куда угодно, но если мы ее у него отберем... – С этими словами он обернулся и подмигнул Скаре.

– ...то одержим достойную песен победу, – отозвалась она, – и уже сами подставим под удар трон Верховного короля.

Загудели бормотки. Знатные мужи взвешивали вероятность успеха. Скара привлекла их интерес, однако оба короля – быки строптивые, им нелегко впрячься в одно на двоих ярмо.

– Что, если корабли увели из бухты? – выскрежетал из себя Атиль. – Что, если вас подвела память о слабых местах Мыса Бейла? Что, если Йиллинг прознал про них и уже выставил стражу?

– В таком случае всех нас ждет Смерть, государь Атиль.

– У этих противников кротостью бой не выиграть.

– Вы говорили, что надо бить в сердце. Сердце Йиллинга – его спесивая гордость. Его корабли.

– Игра на удачу, – заурчал Горм. – Слишком много может пойти не так...

– Чтоб одолеть того, кто сильнее, *необходимо рисковать*. – Скара бухнула по столу кулачком. – Вы говорили, что недруга надо встречать на своей, знакомой земле? Какую же землю вы предпочтете сильнейшей крепости на море Осколков?

– Эта земля – не моя, – грумкнул Горм.

– Зато – моя! – У Скары снова надломился голос, но она вынудила себя не умолкнуть. – Забыли?! Кровь самого Бейла течет в моих жилах!

Скара почувствовала их колебания. Ненависть их друг к другу и жажда славы, их страх перед Верховным королем и подневольная обязанность казаться бесстрашными – все закачалось на лезвии меча. Вот ей почти удалось их поймать, но вдруг пройдет миг – и они откинутся в креслах и, точно голуби в привычные клетки, опять нырнут за обильно вскиданные валы своей распри?

Там, где подводит разум, – сказала однажды мать Кире, – *может сгодиться безумие*.

– Наверно, вам стоит узреть эту кровь! – Скара протянула руку и сдернула с пояса Рэйта кинжал.

Он порывисто попытался перехватить ее, но было поздно. Яркий кончик кинжала она приставила под большой палец и рассекла свою ладонь до самого корня мизинца.

Она собиралась пролить лишь пару изящных алых капель, но Рэйт взаправду точил ножи на совесть. Кровь рассеялась по столу, брызнула поперек груди Синего Дженнера и заодно на пухлое лицо сестры Ауд. Все дружно ахнули. Наиболее потрясенно – сама Скара, но отступить некуда – лишь сломя голову в атаку.

– Ну? – Она вознесла кулак под взоры Высоких богов, кровь полосами ползла по предплечью и беззвучно капала с локтя. – Вы, горделивые воины, обнажите ль мечи и прольете свою кровь вместе с моей? Предадитесь ли Матери Войне, положась на удачу и добрую сталь? Или забьетесь в уголок и будете дальше жалить друг друга словами?

У Гром-гиль-Горма перевернулось кресло, когда он встал во весь свой огромный рост. Он скривился, и желваки его вздулись, и Скара отпрянула – сейчас неудержимая ярость великана сомнет ее. А потом поняла, что он прикусил язык. И выплюнул на стол алый сгусток.

– Войско Ванстерланда отплывет через пять дней, – рыкнул Крушитель Мечей, на его бороду сбегала кровь.

Поднялся король Атиль. Его вечно обнаженный меч заскользил по изгибу локтя, пока не уперся острием в стол. Гетландец взялся за клинок под крестовиной и сжал так, что побелели костяшки. Кровавая струйка наполнила желобок и потекла дальше, вниз, и расплылась темной слизью вокруг стального острия.

– Ратники Гетланда отбудут через четыре.

С обеих сторон помещения воины заколотили по столам, забряцали оружием и вознесли ликование при виде крови, которая наконец пролилась, несмотря на то что ее явно было недостаточно для победы и основная часть принадлежала семнадцатилетней девчонке.

Скара отодвинулась назад – внезапно голова закружилась. Кинжал подхватили с ладони. Сестра Ауд вспорола рукав и оторвала кусок ткани, а потом взяла Скару за запястье и принялась умело перебинтовывать кисть.

– Сгодится, пока не зашью. – Служительница глянула исподлобья. – Пожалуйста, больше так не делайте, принцесса.

– Не беспокойтесь... ай! – Боги, становится больно. – Думаю, урок мной усвоен.

– Пока победу праздновать рановато! – объявил отец Ярви, успокаивая шум. – Первым делом надо решить, кто будет взбираться.

– Никто не сравнится в силе и умениях с моим знаменосцем, Сориорном. – Горм оттянул усыпанный блескучими гранатами ошейник высокого невольника-шенда, стоявшего рядом. – Он трижды пробежал по веслам туда и обратно на нашем пути из Ванстерланда – в бурное море.

– Вы не найдете другого столь ловкого и расторопного, как мой ученик, Колл, – сказал отец Ярви. – Что засвидетельствует любой, кто видел, как он карабкается по утесам за яйцами. – Гетланцы кивнули, все как один. Все, кроме самого ученика. Казалось, от такого предложения его затошнило – так же, как сейчас Скару.

– Устроим дружеское состязание? – предложила королева Лайтлин. – Выясним, кто лучше?

Умно, отметила Скара. Прекрасный повод этим задиристым баранам отвлечься от боданий друг с другом, пока не повстречают врага.

Сестра Ауд осторожно положила забинтованную кисть Скары на стол.

– Как равноправный участник союза, – возвестила она, – по древнему закону и давнему обычаю, Тровенланд также должен быть представлен на подобных состязаниях.

На этот раз она не стала пересекаться с морозным взглядом матери Скейр и, довольная своим вкладом, откинулась в кресле.

У Скары восторг был потише. Нет у нее ни сильных, ни расторопных. Один Синий Дженнер.

В ответ на ее короткий взгляд он раздвинул кустистые брови и буркнул:

– Для меня и ступеньки – соревнование.

– Я взберусь за вас, – сказал Рэйт. До этого она не видала его улыбки. Казалось, на холодном лице полыхнуло пламя. Глаза сверкали смело и бесшабашно. И, да – сейчас он поражал сильнее всего. – Все лучше, чем болтать, правда?

9. Возможность

– Нам с тобой поболтать покамест не выпадала возможность, – молвил Синий Дженнер.

– Я не привык молоть языком, – буркнул Рэйт.

– Привык молотить кулаками?

Рэйт не откликнулся. Надо – кулаками и подтвердит.

– Я слежу, чтобы принцессу никто не тронул. – Рэйт кивнул на дверь. – Поэтому стерегу здесь, снаружи.

– Айе, – Дженнер прищурился. – А сам-то не тронешь?

– А если трону – то что? – Рэйт шагнул к старому разбойнику, выпятил зубы прямо в лицо, будто вот-вот укусит. Здесь надо показать себя первым головорезом, падким до крови. Дашь слабину – конец. – Как бы ты мне, старичок, помешал?

Синий Дженнер не отступил, только поднял морщинистые ладони.

– Я сказал бы: «Эй, парнище, хорош. Старые хрычи вроде меня не дерутся с такими, как ты, удалцами», – а потом бы тут же свалил, тихо и молча, чтобы тебя не тревожить.

– Точняк, – прорычал Рэйт.

– А потом навестил бы свою команду и выбрал шестерых ребят покрупнее. Со средних скамей: привычных тянуть весла и на ногу легких. И когда стемнеет, двое из них заботливо укрыли бы тебя этим тепленьким одеялком. – Разбойник обратной стороной ладони пригладил одеяло за Рэйтовым плечом. – А потом оказалось бы, что остальные четверо захватили с собой по крепкой деревяхе, и колошматили бы они этот сверточек, покуда внутри все твердое не станет мягким. После эту кашу-малашу мы бы отволокли назад к Горм-гиль-Горму – прямо так, в одеяле, поскольку негоже пачкать у принцессы Скары полы. И я разъяснил бы Крушителю Мечей, что, увы паренек, которого он отрядил, оказался трохи вспылчив и толку из него не вышло. – Тут Дженнер улыбнулся. Обветренное лицо сморщилось складками, как старый башмак. – Однако не надобно мне новых горьких утрат. Ведают боги, их у меня и без того наплодилось немало. Я бы лучше дал тебе возможность самому показать, что на тебя стоит полагаться.

Надо признать, ответ хороший. От ума, но и с железом внутри. Выставил Рэйта недотепистым душегубом – и ему это совсем не понравилось. Куда лучше быть душегубом умелым. Он отодвинулся, признавая за Дженнером право на чуть большее личное пространство и много большее уважение.

– А вдруг на меня полагаться не стоит?

– Дай человеку возможность исправиться. Знаешь, большинство людей в моей жизни были б не против ее принять.

В жизни Рэйта попадались совсем другие люди.

– Считаешь, старик, твой опыт не подведет?

– Что ж, малыш, вместе и выясним. Хочешь еще одеяло? Тут, снаружи, и простудиться недолго.

– Студило меня и покруче. – Рэйт предпочел бы второе, но пришлось показать, что ему все нипочем. Поэтому он поплотнее закутался в то одеяло, что было, и сел, прислушиваясь, как стихает шорох шагов старика. Не по себе без Гормова меча. Не по себе без брата. Но стылый сквозняк, стылые камни, а с ними и стылая тишина сейчас, в общем-то, были такими, как прежде.

Как знать, будут ли прежними сны?

10. Как надо побеждать

– Начинаете взбираться, когда я ударю в колокол.

– Слушаюсь, о королева, – каркнул Колл. Немногие люди на свете повергали его в такой трепет, как королева Лайтлин, – и почти все они сейчас здесь, наблюдают. Такое чувство, будто здесь половина обитателей всех земель моря Осколков: жмутся во дворике цитадели под сенью могучего кедра, теснятся в проемах окон или жадно глазеют с крыш и бойниц.

Король Атиль стоял на ступенях Зала Богов, отец Ярви опирался на посох по его правую руку, рядом Ральф почесывал седину за ушами и угощал Колла ухмылкой, наверняка предназначенной его подбодрить. Напротив них, на тщательно отмеренном, той же высоты помосте стоял Гром-гиль-Горм, и золотой зигзаг вкованных в кольчугу нитей сверкал под рассветным солнцем. После него склонил колено беловолосый щитоносец, и мать Скейр метала пламя из сощуренных голубых глаз.

Рин, как всегда, нашла себе место – на высокой крыше, сразу слева от Колла. И как только он голову поднял, замахала как припадочная, со всех сил трясая пятерней на удачу. Боженьки, вот бы и Коллу сейчас оказаться с ней, наверху. А еще лучше – в кузнице. А в постели и совсем здорово. Он прогнал эту мысль. В конце концов, с нею стоит Бранд – и не вечно же ему быть невнимательным.

Королева Лайтлин подняла длинную белую руку и указала на макушку кедра. Там, на самой высокой ветви, искрилось золото.

– Победит тот, кто принесет принцессе Скаре ее обручье.

Колл встряхнулся – с пяток до макушки, пытаясь стряхнуть с себя зуд туго натянутых нервов. Затем вскинул глаза на мачту, врытую посередине двора, ту, что покрывал резьбой от основания до шпиля, – рядом стояла Колючка.

Боженьки, как он этой мачтой гордился! Своим трудом, искусными изображениями, но и своим вкладом в легендарные события, о которых повествовала резьба. В том путешествии свершилось немало отважных деяний, и сейчас ему необходимо набраться отваги. Победа ему по плечу, в этом сомнений нет. В чем он сомневался – а по сердцу ли? Всем известный умник, он то и дело загонял себя в глупейшие из углов.

Он выдавил один из тех своих вздохов, от которых шлепал губами.

– У богов дурацкое чувство юмора.

– Само собой. – Бывший Гормов чашник Рэйт невесело оглядел толпу. – Когда в Вульсгарде я садился на шнек, ни за что б не подумал, что приеду сюда лазить по деревьям.

Он наклонился, словно хотел поделиться секретом, и Колл не удержался и тоже придвинулся.

– А тем более, что стану нянькой при тощаге девчонке.

Принцесса Скара стояла между пьялившей глаза сестрой Ауд и взъерошенным Синим Дженнером и казалась совершенной и хрупкой, как глиняные статуэтки, которые Колл в давнюю пору рассматривал в Первом Граде, пытаясь догадаться, как же их изготавливали.

– У красивых людей слишком легкая жизнь, – заметил он. – Им везде все достается в первую очередь.

– Уверяю тебя, у нас, красавцев, жизнь так же трудна, как у прочих, – сказал Рэйт.

Колл смерил его взглядом.

– А ты не такая уж сволочь, как показалось мне поначалу.

– О, ты меня еще толком не знаешь. Смотри-ка, кое-кто подходит к делу чертовски серьезно.

Гром-гиль-Гормов шенд-знаменосец оголился по пояс. На широкой спине горела сетка шрамов, напоминая раскидистый вяз. Есть на что засмотреться: поджарые мускулы играли и перекатывались, когда он потягивался, крутил торсом, делал наклоны.

Рэйт же просто стоял и чесал царяпину под ухом.

– Мне-то казалось, мы собрались лезть на дерево, а не танцевать напоказ.

– И мне. – Колл ухмыльнулся. – Должно быть, нам забыли сказать.

– Меня зовут Рэйт. – И Рэйт по-дружески протянул ладонь.

Подмастерье служителя улыбнулся в ответ.

– Колл. – И пожал руку. Рэйт так и знал, что пожмет – слабые люди всегда готовы принять дружбу сильных. Улыбка парня быстро увяла, когда оказалось, что у него не получается вырвать руку обратно.

– Ты чего де...

Королева Лайтлин ударила в колокол.

Рэйт дернул пацана на себя и боднул его головой в лицо. Рэйт умел лазить, но не сомневался, что в лазании двое других его превосходят. Если он хотел победить – а побеждать ему хотелось всегда, – лучше всего устроить состязания по какому-нибудь иному виду. Например, по боданию людей в лицо он настоящий мастер – как только что убедился Колл.

Рэйт саданул его три раза по ребрам, сложил пополам булькающего кровью с разбитого рта, потом схватил за рубаху и швырнул вниз головой на столы, где сидели какие-то гетландцы.

Он услышал, как позади разразился хаос, толпа взревела проклятия, но кровь уже загремела в ушах, и в уме осталось одно лишь дерево. Сориорн уже подтягивал на ветви свое длинное и мощное тело, и если он возьмет хороший старт, Рэйту ни за что за ним не угнаться.

Он грузно разбежался, вскочил на одну из нижних ветвей, раскачался и перемахнул на ту, что повыше. Ветки тряслись от его веса. Новый прыжок, вытянулся на всю – и поймал Сориорна за лодыжку, и потащил его вниз. Сломанный сучок снизу вверх процарапал сопернику помеченную шрамами спину.

Сориорн лягался и угодил по губам, но Рэйта вкус собственной крови не останавливал никогда. Он зарычал и подналег, волоком подтягиваясь выше, без внимания к скребущим веткам, без внимания к прострельной боли в левой руке, снова ухватил Сориорна за лодыжку, потом за пояс и, наконец, за гранатовый невольничий ошейник.

– Ты что творишь? – расвирепел знаменосец, стараясь сбить противника локтем.

– Побеждаю, – прошипел Рэйт, протаскивая свое тело на следующий круг ветвей.

– Горму нужна моя победа!

– Я служу Скаре, забыл?

Рэйт кулаком заехал Сориорну четко промеж ног, и тот выпучил очи. Рэйт врезал ему по губам и тот запрокинул голову. Рэйт укусил его за руку, сжимающую сук, и с сильным вскриком Сориорн разжал хватку и провалился вниз, сквозь ветки. Об одну он спружинил темечком, другая свернула его пополам, а после третьей перекрутился в воздухе – и снова, и снова, пока не врезался в землю.

Жаль, жаль, но кому-то надо выиграть, а значит, кому-то надо упасть.

Рэйт не мешкая понесся выше, туда, где редела крона. Отсюда видно за стены цитадели: серебрится Матерь Море, лес мачт – дюжины кораблей теснятся в гавани Торлбю. Здесь потные виски лобзает просоленный ветер.

Он скрутил обручье с побега у самой макушки. Стоило надеть его себе на запястье, но как ты его натянешь, его ведь подгоняли по руке-веточке Скары. Поэтому он сунул браслет в зепь за поясом и начал спуск.

Ветер окреп, и заходило ходуном все древо. Скрипели сучья, иголки терлись об Рэйта сверху донизу, пока он перехватывал руки. Краем глаза он засек какой-то белесый промельк, однако, когда посмотрел вниз, увидел лишь, как Сориорн тщетно пытается взгромоздиться на

нижние ветви. Мелкого служки и духу нет. Небось, уполз в слезах по разбитой роже. Пусть он верхолаз и отменный, но никакого стержня внутри. А тому, кто в одиночку полезет в крепость Мыс Бейла, без стержня нельзя.

Рэйт оттолкнулся и прыгнул на землю.

– Сученок! – взвыл Сориорн, не выпуская ветку. Должно быть, он повредил ногу, когда упал, и сейчас осторожно держал ее на весу, не шевеля пальцами.

Рэйт расхохотался и двинулся мимо. А потом подскочил вплотную и плечом под ребра приложил Сориорна к стволу, да так крепко, что дыхание вылетело у того со сдавленным полусвистом.

– А ты – сука, – бросил победитель над стенавшим в пыли Сориорном. Досель знаменосец всегда был Рэйту добрым другом.

Поэтому уж он-то должен был знать, как опасно оставлять свой бок настолько открытым.

– Принцесса Скара.

Она окинула Рэйта рассерженным, как она надеялась, взглядом.

– Это состязание я не назвала бы честным.

Он пожал плечами, глядя ей прямо в глаза.

– Хотите сказать, что Яркий Йиллинг рыдает ночами, если кого обманет?

Скара зарделась. Его дубовое обхождение с людьми не менялось ни чуточки, когда он обращался к ней. Мать Кире пришла бы в ярость. Может, поэтому Скара и не разозлилась сама. К такой неотесанной прямооте она не привыкла, было в ней нечто живое, естественное. И даже нечто притягательное.

– Так я должна отправить пса поймать пса? – спросила она.

Рэйт грубо хихикнул:

– Вы отправите убийцу убить убийцу. – Он потянулся к мошне, и тут ухмылка его пошла на убыль.

Вот тогда-то из-за ствола кедра и вышел Колл, задержавшись на миг, чтобы помочь Сориорну подняться. Рассечена губа, нос распух и в крови, зато улыбка до ушей.

– Чего потерял, дружок? – поинтересовался он, глядя, как Рэйт перетряхивает одежду. Бравым жестом он извлек, несомненно из ниоткуда, обручье, что в старину Бейл Строитель надевал перед битвой. И по всем правилам отвесил поклон. – Полагаю, это ваше, принцесса.

Рэйт только рот раскрыл.

– Ворюга...

Улыбнувшись шире, Колл обнажил кровавые зубы.

– Хочешь сказать, Яркий Йиллинг рыдает ночами, если кого-то ограбит?

Рэйт дернулся за обручем, но Колл был слишком быстр и тут же подкинул блистающее золото в воздух.

– Ты продул игру. – Он выхватил обручье прямо из сжимавшихся пальцев ванстерца, шустро перебросил из левой руки в правую, и ладонь Рэйта сомкнулась на пустоте. – Не продуй заодно и чувство юмора!

На глазах Скары Колл еще раз подкинул обручье – и Рэйт стиснул кулаки.

– Довольно! – Пока не приключилось новых бед, Скара шагнула меж ними и поймала украшение в воздухе.

– Победил Гетланд! – возвестила она, протягивая надетый браслет к плечу.

Гетландцы разразились ликованием. Ванстерцы вели себя куда тише при виде того, как Сориорн повис у матери Скейр на плече и мелко подпрыгивает, ковыляя прочь. Что касается скромной свиты самой Скары, то Рэйт смотрелся проглотившим топор, а Синий Дженнер стоял в слезах, но лишь от того, что без удержу хохотал.

Колючка Бату сложила ладони чашей и крикнула, перебивая шум:

– Кажись, ты не зря тратил время верхом на этой мачте!

– Верхом на мачте научишься большему, чем в покоях служителя! – откликнулся Колл. Сейчас он наслаждался рукоплесканьем и раздавал друзьям воздушные поцелуи.

Скара тихонько произнесла:

– Ты хоть сам понял, что выиграл? Право в одиночку забраться в полную врагов неприступную крепость.

Его улыбка поблекла, когда она взяла за запястье и подняла над головой в знак победы его обмякшую руку.

11. Первопроходец

Новая вспышка молнии очертила отвесные стены Мыса Бейла – черные зубцы на фоне алмазного неба. Боженьки, дорога вверх такая длинная...

– А уже поздно говорить, что я не согласен с планом? – проверещал Колл сквозь завывание ветра, гул дождя и рокот ударов Матери Моря об их суденышко.

– Да нет – говори, что вздумается, – в ответ проревел Ральф, по лысине тек ручеек. – Лишь бы наверх залез!

Ветер подсекал и метал в лица изможденных гребцов соленые брызги. Гром трещал так, что дрожь пронзала весь мир, но Колл и так уже дрожал сильнее некуда, пока их лодчонка рыскала и качалась – все ближе и ближе к скалам.

– По-моему, здешние небеса не предвещают добра нам! – воскликнул он.

– Как и здешние воды! – крикнул Доздувой, борясь с веслом, как с необъезженной кобылицей.

– Дурная судьбина повсюду!

– От судьбы не уйти – дурной или доброй! – Колючка взвесила в руке абордажную кошку. – Важно одно – как ты ее примешь.

– И то правда, – сказал Фрор, кривой глаз белел на обмазанном смолой лице. – Тот, Кто Разговаривает Громом сегодня за нас. Его дождь загонит их головы под крышу. Его рык заглушит наше прибытие.

– Упасет – и не развеешься золой от его молнии. – Колючка хлопнула Колла по спине и едва не вышибла с лодки.

Толща стен в основании состояла из эльфийского камня – ныне треснутого и покореженного. Ржавые прутья торчали в прорехах – опутанных водорослями, усиженных раковинами морских блюдечек. Ральф гнул спину и скрипел зубами над кормилом, помаленьку разворачивая лодку боком.

– Полегче! Полегче! – Новая волна подхватила их, закинув желудок Колла прямо в рот, а потом понесла бортом на камни. Заскрежетала, завизжала древесина. Он уцепился за планширь, уверенный, что остов лодки вот-вот переломится и Мать Море, вечно голодная до теплых человеческих тел, грядет за ними, чтобы уволочь в свои холодные объятия. Однако потерявшая обшивку держала, и он шепотом благодарил то дерево, которое им ее даровало.

Колючка забросила кошку, и крюк с первого раза застрял между древних металлических стержней. Девушка уперлась ногами в обшивку и, не разжимая зубов, стала подтягивать лодку.

Перед Коллом открылись два контрфорса – два могучих устоя, о которых рассказывала принцесса Скара. Уже люди возвели их из грубо тесанных блоков, и Мать Море на протяжении многих лет обглаживала глыбы, выедая раствор. Промеж устоев темнела расселина, камень поблескивал сырою слизью.

– Ты представь, будто лезешь на мачту! – сказал Ральф.

– Под мачтой разъяренное море не редкость, – обронила Колючка в упорной борьбе с веревкой, на зачерненных смоляным варом плечах упруго выступили жилы.

– Вот только редкость разъяренные воины над, – пробубнил Колл, вглядываясь в бойницы.

– Точно вару не нужно? – спросил Фрор, предлагая флягу. – Оттуда заметно, как ты будешь лезть...

– Я ж не боец. Если меня накроют, то я скорее их уболтаю, чем отобьюсь.

– Готов? – перебил Ральф.

– Нет!

– Тогда шуруй неготовым – скоро волны разнесут нашу лохань по хворостинкам!

Колл забрался на планширь – одной рукой схватился за штевень, другой продернул слабинку на канате, который обвязал через грудь и распустил витками меж рундуков гребцов. Мокрая, эта веревка весила немало, и чем выше он поднимется, тем тяжелей будет вес. Лодка съехала вбок, обтерлась о подножье устоя. Непокорная вода, встряв между древесиной и камнем, фонтаном брызнула вверх, и Колл непременно бы вымок, когда бы дождь и море уже не промочили его насквозь.

– Держите ровно! – окрикнул Ральф.

– Держал бы, – отозвался Доздувой, – да Мать Море против!

Мудрый терпеливо ждет своего часа, – как постоянно твердил отец Ярви, – *но ни за что его не упустит*. Очередная волна приподняла лодку, Колл неслышно взмолился Отче Миру о том, чтобы снова увидеть Рин, – и прыгнул. Сейчас, тщетно царапая камень, он с воем полетит напрямик в Последнюю дверь. Однако щель меж двух громадных подпор была глубже человеческого роста и как раз нужной ширины. Колл вошел в нее и прилепился с такой легкостью, что аж чуть не расстроился.

– Ха! – бросил он через плечо, в восторге от нежданного спасения.

– Не смейся! – прикрикнула Колючка, по-прежнему налегая на крюк. – Лезь!

Крошащаяся кладка в обилии предоставляла выемки для рук и ног, поэтому поначалу он продвигался быстро и мурлыкал под нос. В воображении скальды заводили песнь о Колле Хитроумнике, который стремительно, как гагара в полете, покорил неприступные стены Мыса Бейла. Рукоплескания в его честь во дворе цитадели Торлбю лишь раздражили вкус. Кажется, быть знаменитым, почитаемым и любимым не так и плохо. Совсем не плохо.

Однако боги обожают смеяться над людским счастьем. Как хорошая мачта, устои постепенно сужались к вершине. Желоб между ними мельчал, ветер и ледяной дождь хлестали в него напрямик и отвешивали Коллу такие оплеухи, что он перестал слышать собственный напев. Хуже того, щель ширилась, тянуться за опорой приходилось все дальше, пока не осталось иного выбора, как оставить один контрфорс и лезть по углу между другим быком и стеной. Холодные, как лед, обросшие склизким мхом камни вынуждали то и дело стопорить подъем, чтобы отлепить с лица мокрые волосы, вытереть саднящие руки и подышать теплом на занемевшие пальцы.

Последняя пара шагов людской отвесной стены длилась дольше всего прежнего вкупе. За плечом тянулось убийственной длины вервие – отяжелевший от дождя канат гнул к земле сильнее доспехов, мотался под ветром и обдирался о края расселины. Коллу в жизни не выпадало более сурового испытания. Мышцы стонали, их сводило и дергало – предел выносливости позади. Даже зубы ломило от боли, но повернуть обратно было еще опасней, чем двигаться дальше.

Колл выбирал выемки и уступы столь же тщательно, как корабельщик обстругивает киль, зная, что одна ошибка – и камни у подножия разможат его в рыбий корм. Напряженно осматривал кладку при свете луны и вспышках зарниц, выгребал грязь со мхом из стыков – камни крошились здесь, как заветренный сыр. Он старался не думать о зияющей пропасти под собой, о свирепых воинах, возможно, поджидающих наверху, или о...

Камень раскололся под закоченелыми пальцами, и рука потеряла хватку, накрываясь над пропастью, он заскулил, каждая жилка на сведенном от напруги предплечье полыхала огнем. Он ногтями скреб камни, раздирая старый плющ, пока, наконец, не обрел устойчивость.

Он вжался в стену и наблюдал, как камешки сыплются вниз, скачут вдоль веревки к разломам среди эльфийских глыб и челноку, который мотает сердитая зыбь.

Показалось, будто мать прислонилась к его груди и напомнила, как грозила пальцем и отчитывала оседлавшего мачту сына.

Слазь оттуда, пока башку не разбил!

– Но не могу ж я всю жизнь просидеть под одеялом? – прошептал он под гулкое буханье сердца.

Сладость облегчения Колла была достойна легенды, когда он заглянул через бойницу и увидел, что боевой ход, шире дороги, под секущими каплями дождя – покинут и пуст. Он со стоном перевалился через край, подволок за собой веревку и плюхнулся на спину. И лежал, глотая воздух, пытаясь вновь нагнать кровь и разработать отекавшие пальцы.

– Вот тебе и приключение, – прошептал он. Оскользываясь, приподнялся на четвереньки и устался на Мыс Бейла. – Бо-о-женьки мои...

Отсюда, сверху, сразу верилось, что перед тобой сильнейшая крепость мира и ключ ко всему морю Осколков.

Тут высились семь безмерных башен с безмерными же стенами между ними: шесть построили эльфы – на идеальной глади камня поблескивала влага, а одну кургузую и неуклюжую – люди, чтобы заткнуть брешь, оставшуюся после Божия Сокрушения. Слева от Колла пять башен вырастали из Отче Тверди, две же справа выдавались за край утесов, вынесены в Матерь Море. Натянутые меж ними цепи срезали волны, закрывая путь в гавань.

– Боженьки вы мои! – опять прошептал он.

Гавань кишела судами – в точности по слову принцессы Скары. Не меньше пяти десятков – от малюсеньких до здоровенных громад. Флот Йиллинга Яркого, как младенец, мирно спал под надежной защитой могучих эльфокаменных рук крепости. Голые мачты едва-едва шевелились – как бы ни ярилась Матерь Море снаружи.

От причалов сквозь скальный берег поднимался длинный скат до просторного внутреннего двора. Там вкруговую громоздилось с дюжину зданий, разной постройки и возраста. Крыши складывались в несочетаемую путаницу мшистого тростника, треснутой черепицы, блестящей под ливнем слюды; вода из разломанных труб орошала мощеный двор. Целый город лепился к изнанке исполинских эльфийских стен – свет просачивался из щелей сотен от непогоды забранных ставнями окон.

Колл вывернулся из объятий веревки, а после проклял свои непослушные пальцы, пока обматывал ею зубцы и остервенело затягивал мокрые узлы, чтоб выдержали наверняка. Наконец, он вымучил из себя улыбку:

– Пойдет.

Вот только боги обожают посмеяться над людским счастьем, и его улыбка моментом сошла на нет, стоило лишь обернуться.

По боевому ходу навстречу ему тяжело трусил воин: в одной руке копьё, в другой мерцает фонарь. По ссутуленным плечам ратника хлопал отяжелевший от капель плащ.

Первым позывом было бежать. Но первопроходец заставил себя повернуться к стражнику спиной, равнодушно опереть башмак о бойницу и безмятежно разглядывать море, словно лишь здесь на всем свете ему дарован кров и приют. И безмолвно взмолился Той, Что Прядет Небылицы. Так или иначе, от Колла ей доставалась уйма молитв.

Услышав близкий шорох сапог, он повернулся с ухмылкой:

– Здорово! Приятный вечерок, чтоб побродить по стенам.

– Не скажи. – Ратник поднял фонарь и пристально присмотрелся к собеседнику. – Я тебя знаю?

Поговору похож на ютмарчанина, и Колл бросил кости, положившись на удачу:

– Не-а, я из инглингов.

Подсунь человеку добрую ложь, и он сам выложит тебе правду.

– Из парней Люфты?

– А то. Люфта отправил меня на стены с проверкой.

– Seriously?

Если доброй лжи одной несподручно, то на выручку сгодится и правда:

– Айе. Видишь, эти два устоя? Люфте втемяшилось в голову, что кто-нибудь сможет пролезть наверх между ними.

– Такой ночью?

Колл подхихикнул:

– Знаю, знаю, ума в этом – как в шапке, полной лягушек, но если Люфте втемяшится...

– А здесь чего? – встревоженно спросил ратник, озирая веревку.

– Чего здесь такого чего? – переспросил Колл, вставая перед ней. Ложь вся вышла, а вместе с нею и правда. – Ты чего?

– Вот того, твою... – Стражник выкатил глаза в тот миг, когда черная ладонь склеила ему рот, а черное лезвие продырявило шею. За его лицом показалось лицо Колючки, не отчетливее тени под струями ливня – одни глаза выделялись белым на обмазанной смолой коже.

Она бережно опустила на загородку поникшее тело воина.

– Куда мы денем труп? – Колл на лету поймал выпавший фонарь. – Нельзя его тут...

Колючка подхватила мертвеца за сапоги и вытолкала в пустоту. Колл раззявил рот, глядя, как быстро он летит вниз. У подножия тело ударилось о стену и, изломанное, кануло в набежавшие волны.

– Вот туда и денем, – сказала девушка. Позади через стену перемахнул Фрор. Со спины он стащил секиру и сдернул ветошь, которой оборачивал обмазанное варом лезвие.

– Погнали.

Колл оторопело двинулся следом. Колючку он любил, но его пугало, с какой легкостью та могла убить человека.

Лестница во двор оказалась именно там, где обещала Скара, с натеками дождевой воды по серединам истоптанных ступеней. Колл было снова замечтался о том, какой урожай почестей он пожнет, если сработает этот безумный план, когда услышал снизу гулкий голос и сразу забился в тень.

– Идем внутрь, Люфта. Тут адский ветродуй.

Голос побасовитее отвечал:

– Дунверк велел сторожить калитку. Кончай скулить, как падла.

Колл всмотрелся за край. Под лестницей на ветру трепетал холщовый навес, снизу на камни лился свет костра.

– Эта наша калитка не такая и потайная, – шепнула на ухо Колючка.

– Как червяки из яблок, – шепнул он в ответ, – в свое время тайны выползают на свет.

– Будем драться? – буркнула Колючка. Первая ее мысль, конечно, про драку.

Как подобает достойному служителю, Колл взялся торить путь для Отче Мира.

– Перебудим всю крепость.

– Я назад в эту щель не полезу, – заявил Фрор. – Ни за какие коврижки.

– Дайте мне плащ, – прошептал Колл. – Созрела мыслишка.

– Не поздновато созрела-то? – прошипела Колючка.

Колл пожал плечами, натянул капюшон и потряс конечностями, стараясь расслабиться – мышцы до сих пор в напряжении после подъема.

– Мысли приходят тогда, когда приходят.

Он оставил друзей на ступенях, а сам беззаботной походкой порысил вниз, мимо полуразвалин конюшни, где с прогнившей тростниковой крыши капала вода. Отсюда уже видать людей – семерых воинов на корточках возле костра. Под их навес задувал ветер и колыхал языки пламени. В отсветах костра Колл заметил массивную дверь калитки на стыке стен. Ее перемыкал толстый засов – в древесине глубокими насечками выбито имя Той, Что Крепит Замки. Резчик выдохнул туманное облачко, собрался с храбростью и зашагал к огню, оживленно махая рукой.

– Ох, ну и гадская погодина! – Колл пригнулся под сырым холстом, откинул капюшон и взъерошил мокрые волосы. – Я б не так промок, вздумай я искупаться!

Все хмуро уставились на него – он ответил ухмылкой:

– Но, сдастся мне, летом в Инглефолде еще хреновой? – Он похлопал одного по плечу, пробираясь поближе к двери, и пара других захихикала.

– Я тебя знаю? – буркнул здоровяк, сидевший у самого костра. По серебряным запястьям и грубому обхождению Колл признал в нем командира.

– Не-а. Я из Ютмарка. Меня прислал Дунверк. У меня, Люфта, для тебя есть послание. Здоровяк харкнул, а Колл порадовался, что угадал верно.

– Давай, выкладывай, пока я не оглох от старости, как все мужики в нашем роду.

Игра началась.

– Дунверк прознал, что готовится штурм. Ванстерцы с гетландцами решили взять нашу крепость и спалить корабли.

– Штурмовать эти стены? – прыснул от смеха один. – Вот придурки!

Колл сочувственно кивнул.

– Я, когда услышал, подумал о том же. И до сих пор не переменил мнение.

– Об этом донес тот шпион?

Колл сморгнул. Неожиданный поворот.

– Айе, тот самый шпион. Как бишь его там зовут?..

– То знает один Яркий Йиллинг. У него спросить не пробовал?

– Я настолько глубоко его уважаю, что язык не повернулся отрывать человека от дел. Значит, вот: враги на подходе к главным воротам.

– Придурки, говорите? Да у них бошки поотрывало! – Люфта с досадой облизнул зубы. – Вы, четверо, со мной. Сходим до ворот и проверим. Вы, двое, стойте здесь.

– Я посторожу, не волнуйтесь! – воскликнул Колл, когда мужчины встали и побрели под дождь. Один выставил над головою щит, прикрыться от ливня. – Мимо меня никакой гетландец не проскочит!

На двоих оставленных у костра без слез не взглянешь. Один молодой, но уже с залысиной, у другого красное пятно во всю рожу, будто вином окатили. Зато кинжал у него загляденье: серебряная крестовина так и сверкает. Кинжал напояк красовался на поясе; похоже, мужик им одним и кичился, хотя, знамо дело, снял его с какого-нибудь убитого тровенландца.

И как только Люфта унес свои уши подальше, этот тут же принялся жаловаться:

– Большинство ребят Йиллинга сейчас обносят Тровенланд вдоль и поперек, а мы – торчи здесь!

– И не говори, это страсть как несправедливо. Но все ж. – Колл стянул Фроров плащ и устроил целое представление, вытрясая из него воду. – Сдастся, на море Осколков не сыскать местечка, где б человеку сиделось у огонька под такой же надежной защитой, как здесь.

– Поосторожней! – забухтел Красная Рожа. Дождинки с ткани брызнули ему прямо в глаза. Он так остервенело отмахивался от плаща, что Колл одной рукой без труда подцепил кинжал с его пояса. Восхитительно – чего только человек не прошляпит, если его отвлечь!

– Приношу извинения, государь!

С этими словами Колл попятился и слегка ткнул Залысину под дых:

– По такой жаре освежиться, как твой сосед, самое то, правда? – И под развевающимся плащом просунул кинжал за пояс уже этому. – Поглядите, я вам покажу поразительные чудеса!

Пока никто из них не успел вставить и слова, он поднял руку повыше, и медная монетка заплясала взад-вперед по костяшкам. Глаза обоих ратников прилипли к его вертким пальцам.

– Медь, – промурлыкал Колл, – медь, снова медь, и р-раз... серебро!

Он перекрутил ладонь, лихо поддел кистью блеснувший медяк, и между пальцев оказалась зажата серебряная монета. Лик королевы Лайтлин заиграл в свете костра.

Залысина насупился и подался вперед:

– Как ты это делаешь?

– Ха! Сейчас покажу, в чем фокус. Подай-ка на секунду свой кинжал.

– Какой кинжал?

– Твой кинжал. – Колл указал на пояс. – Вот этот.

Красная Рожа вскочил.

– Какого хрена у тебя делает мой ножик, а?

– Чего? – Залысина вылупил очи на пояс. – Как...

– Единый Бог суров к воровству. – Колл набожно воздел ладони. – Это давно всем известно.

Черная рука Колючки припечатала рот Красной Роже, а ее черный нож проколол ему шею. Почти в тот же миг голова Залысины дернулась – Фрор секирой разнес ему затылок. Глаза инглинга собрались в кучку, он что-то пробормотал, пустил слюну и повалился набок.

– Шевелись, – прошипела Колючка, опуская своего на землю. – Покуда их друзья не пришли к одному со мной мнению о том, какой ты двуличный хорек.

– Повинуюсь, о Избранный Щит. – Колл вынул из скоб рунный засов и сдвинул створку, раскрывая калитку.

12. Убийца

Одинокое пятнышко света замерцало сквозь бурю, и, как спущенная с поводка гончая, что уже хлебнула крови, Рэйт ринулся вперед.

Он стремглав летел по мокрой траве со щитом и секирой, до боли в костяшках сжимал топориче под краем лезвия.

Разумеется, меч красивее топора, но красивое оружие, подобно симпатичным людям, любит попривередничать.

Меч требует осмысленной ловкости, а когда Рэйта охватывало ликование боя, церемониться невмоготу. Был случай, он клинком плашмя охаживал воина по голове, пока не свернул и голову и меч так, что после ни то ни то совсем уже ни на что не годилось. Топоры куда менее ранимы.

Небо опять озарила молния. Могучий Мыс Бейла черным пятном завис над морем, гонимые ветром дождевики застыли, прежде чем их заслонила ночь. Тот, Кто Разговаривает Громом изрыгнул миру свою досаду – так близко, что у Рэйта подскочило сердце.

Во рту до сих пор стоял вкус съеденного хлебца. Каравай из муки с кровью солонил язык. Ванстерцы считали, что это приносит удачу в сражении, однако Рэйт был убежден: ярость в бою важнее удачи. Он крепко, до ломоты, впился зубами в деревянный колышек во рту. Однажды в неистовстве схватки он чуть не отгрыз себе язык, и с тех пор, когда надвигался бой, всовывал меж челюстей надежную перемышку.

То чувство, когда бросаешься в бой, не сравнимо ни с чем. Нет подобия ощущению в миг, когда ты рискуешь всем, сделав ставку на свое мастерство, свою силу и волю. Пускаешься в пляс на пороге Последней двери. Плюешь в лицо самой Смерти.

В горячем порыве он оторвался и от Гром-гиль-Горма с Сориорном, и даже от своего брата Рэки. Облитые дождем эльфийские стены и огонек у их подножия мчались ему навстречу.

– Я здесь.

Пацан отца Ярви – и тени собрались на его лице – поднял повыше фонарь, указывая на проход, сокрытый в углу башни.

Рэйт рванул туда, отталкиваясь от стен, перескакивая ступени по три за раз, заполняя узкий туннель рычащими вздохами: ноги горят, в груди горит, мысли горят, звонкий лязг, ругань, вопли вытеснили все из головы, когда он выбежал наверх, на площадку.

Не останавливаясь, он выкроил взглядом сплетенные в схватке тела, высверки оружия, брызги и щепу, засек смоляной оскал Колючки Бату, пронесся мимо нее и всей мощью врезался в сердце боя.

Щит хрустнул о зубы противника – тот отлетел, выронив меч. Шатаясь, подался назад другой – копьё, что нацеливалось ударить Колючку, по широкой дуге ушло в сторону.

Рэйт кого-то рубанул, и тот заорал – надломленно, надрывно, с металлическим призывом. Вот следующий: удар щитом, скрежет о чужой щит. Шипя и мусоля во рту слюнявый колышек, Рэйт дико, безудержно напирал, теснил этого мужика. Сцепился вплотную, прямо можно поцеловаться, лицо орошало вражьей кровавой слюной. Рэйт снова его пересилил, добавил коленом, заставил потерять равновесие. Раскатистый шлепок – в шею противника мясисто вклинился меч Колючки, клинок защемило, пока тот падал. Девушка отпустила рукоять и пнула от себя льющее кровь тело.

Кто-то рухнул, весь опутанный развевающимся холщовым навесом. Кто-то кричал у Рэйта над ухом. Что-то звякнуло по шлему, и все стало белым, слишком ярким, не разглядеть – однако он и вслепую сек наотмашь поверх щита, хрипел, кашлял.

Некто обхватил его, и Рэйт врезал ему в лоб торцом топорщища, врезал еще – тот уже заваливался, втоптал его стиснутую ладонь, поскользнулся и чуть не сверзился – булыжники заплывли дождевой водой пополам с кровью.

Внезапно он потерялся – в каком направлении враг? Двор крепости подбрасывало и трясло, как корабль в разгар шторма. Он увидел Рэки, кровь на белесых прядях, меч, которым тот колот, и злость полыхнула внутри него снова, и Рэйт вклинился туда, сомкнул свой щит со щитом брата, толкался, бодался, рубил. Что-то шарахнуло его в бок, он пошатнулся, напнулся на костер и протопал сквозь огонь, взметая искры.

Вспыхнула сталь, он резко уклонился, лицо ожгло, что-то царапнуло по шлему, скособо-чив его от удара. Рэйт нырнул вдоль древка этого копья и попытался вогнать щит в лохматую харю, застрял и тут понял, что щиту конец – две досточки болтались на гнущем ободе.

– Сдохни, сука! – брызгал он словами – бессвязно отплевывался через колышек, лущуя с размаху вражий шлем, пока тот не потерял форму от вмятин. В сознании забрезжило, что он попадал по стене: серые щербины полосовали камень, рука отваливалась от ударов.

Кто-то его потянул за плечо. Колочка с крапавой россыпью на черном лице. Она показывала куда-то алым ножом, и ее алые губы складывали слова, но Рэйт их не слышал.

Преогромный меч рассек дождевую морось, расколол щит, а щитоносца швырнул на стену в кровавом ливне. Рэйт узнал этот клинок. Ибо три года таскал его, прижимал к себе во тьме, как возлюбленную, слушал его песнь под точильным камнем.

Гром-гиль-Горм выступил вперед, высок, как гора. Дюжины золоченых, инкрустированных наверху сияли на длинной цепи, щит черен, как ночь, а меч светел, как Отче Месяц.

– Вам смерть пришла! – взревел он так зычно, что казалось, сотряс в недрах земли самые кости Мыса Бейла.

Храбрость бывает хрупкой. Стоит панике охватить одного, и она разойдется быстрее оспы. Быстрее пожара. Ратники Верховного короля благополучно грелись за укрепленными стенами, не ожидая напасти страшней, чем промозглый ветер. И вот среди бури восстал Крушитель Мечей во всей боевой мощи и славе – и все они разом дрогнули и побежали.

Одного Колочка зарубила секирой, Горм схватил другого за шкуру и саданул головой о стену. Рэйт рванул с пояса нож, прыгнул на спину бросившемуся в бегство воину и колот: получай, получай! Бросился на другого, но ноги разъехались, и, провихляв шаг, другой, он наскочил на стену и рухнул.

Все расплывалось. Он попробовал встать, но колени решили по-своему, поэтому только сел. Колышек вывалился, щипало ободранное небо. Во рту привкус железа и дерева. Человек рядом с ним лежал и смеялся. Смеялся над ним. Мимо протопали башмаки, нога ненароком перекатила лежавшего. Мертвец ни над кем не смеялся. Разве только сразу над всеми.

Рэйт зажмурился крепко-крепко, потом открыл глаза.

Сориорн добивал раненых. Тыкал копьем деловито, словно опускал в лунки саженцы. Сквозь калитку до сих пор прибывали воины: с лязгом извлекали клинки, переступали через убитых.

– Брат, тебе вечно надо первым лезть в бой? – спросил Рэки. Он разомкнул застежку и стянул с Рэйта шлем, а потом наклонил ему голову, чтоб осмотреть порез. – Нейдется обеспечить мне славу более красивого брата?

Слова казались чужеродными на ободранном языке Рэйта:

– Самому-то тебе явно не справиться. – Он подвинул брата и вступил в бой с непослушным телом, пытаясь подняться, страсти с руки обломки щита, а из головы вытряхнуть серую муть.

Просторен был Мыс Бейла. Под высью эльфийских стен кишели соломенные и сланцевые крыши. И везде – треск, грохот, крики. Ванстерцы с гетландцами, как хорьки в кроличьей клетке, прочесывали крепость и вытаскивали людей Верховного короля из укрытий, растека-

лись по длинному скату, ведущему в бухту, строились полуколышом у двойных дверей, покрытых резными рисунками. Король Горм и король Атиль стояли среди них.

– Коля надо, мы тебя выкурим дымом! – проорал дверным доскам отец Ярви. Точно вороны, служители слетаются сразу, как кончится бой, чтобы всласть поковыряться в еще теплой изнанке победы. – Что ж ты сразу-то не вышел сражаться?

Из-за дверей послышалось глухое ворчание:

– Доспехи долго надевал. У них застежек невпроворот.

– Сия мелочь умеет дурачить персты крупного мужа, – согласился Горм.

– Но теперь доспехи на мне! – отозвался голос. – Среди вас есть именитые бойцы?

Отец Ярви устало вздохнул.

– Здесь Колючка Бату, Атиль, Железный Король, Гром-гиль-Горм, Крушитель Мечей.

За дверью довольно хрюкнули:

– От столь громких имен и поражение не горько. Сдоблаговолит ли кто из них сразиться со мной?

Колючка сидела на ступенях неподалеку, морщась от того, что мать Скейр сдавила ей рану, чтобы выпустить кровь.

– За вечер я насражалась с лихвой.

– И я. – Горм передал Рэкки свой щит. – Да пусть огонь пожрет этого неподготовленного дурня с его мелкими пряжками на доспехах.

Ноги Рэйта шагнули вперед. Ладонь его поднялась кверху. Его рот проговорил:

– Я выйду против...

Рэкки обхватил его руку и силой ее опустил.

– Не выйдешь, брат.

– Единственное, что в жизни верно, – так это смерть. – Король Атиль пожал плечами. – Я буду биться с тобой.

Отца Ярви поразил ужас:

– Государь...

Атиль оборвал служителя одним взглядом, глаза его ярко блеснули.

– Прыткие бегуны сграбастали себе всю славу. Теперь я заберу свою долю.

– Уговор! – прозвучал голос. – Я выхожу!

Загремел засов, и двери широко распахнулись. Лязгнули щиты – полукруг воинов изговаривался принять натиск атаки. Но на крепостной двор ступил лишь один человек.

Он был могуч. На мускулистой, плотной шее сбоку витая накладка. Крепкая кольчуга с травленными пластинами наплечников, на бугристых предплечьях множество золотых браслетов. Рэйт одобритительно буркнул, ибо, судя по виду, с таким не зазорно сразиться. Большие пальцы воин непринужденно сунул за пояс и осклабился на полумесяц неприятельских щитов. Презрительно, как и подобает герою.

– Ты король Атиль? – засопел боец, выдувая струйку пара из широкого, приплюснутого носа. – Ты старше, чем утверждают песни.

– Эти песни складывали какое-то время назад, – проскрипел Железный Король. – Тогда я был помоложе.

Кто-то рассмеялся, но только не этот воин.

– Я – Дунверк, – взрычал он. – Быком прозвали меня люди. Верен Единому Богу, предан Верховному королю, Сподвижник Йиллинга Яркого.

– Что подтверждает одно – ты не умеешь выбирать ни друзей, ни королей, ни богов, – сказал отец Ярви. На этот раз смех был погромче, и даже Рэйту пришлось признать шутку достойной.

Однако поражение надежно гробит веселье, и Дунверк стоял, как каменный.

– Поглядим, когда Йиллинг вернется и напустит на вас, клятвопреступников, Смерть.

– Мы поглядим, – бросила Колючка с ухмылкой, хоть в этот миг мать Скейр проталкивала иглу сквозь мышцу на ее плече. – Ты-то умрешь и больше ничего не увидишь.

Дунверк не спеша вытащил меч – вдоль кровостока протянулись выгравированные руны, рукоять исполнена в виде золотой головы оленя, ветвистые рога составляли крестовину.

– Если я одержу победу, вы пощадите остальных моих людей?

Против горы мышц Дунверка Атиль выглядел старой костлявой курицей, однако вовсе не вызывал страха.

– Не одержишь.

– Ты слишком самонадеян.

– Коли сотня, да с лишним моих мертвых противников могли б говорить, то сказали бы, что самонадеян не зря.

– Надо мне предупредить тебя, старче, что бился я по всему Нижнеземью и не нашлось там того, кто устоял бы со мной в поединке.

По искаженному шрамами лицу Атиля пробежала судорога улыбки.

– Надо было тебе в Нижнеземье и оставаться.

Дунверк бросился вперед с высоким и твердым замахом, но Атиль, проворный, как ветерок, увернулся – до сих пор баюкая меч на сгибе локтя. Дунверк сделал мощнейший выпад, и король с презрительным высокомерием шагнул в сторону, свободно свесив оружие вдоль тела.

– Бык! – подняла хохот Колючка. – И то правда, дерется, как бешеная корова.

Дунверк взревел, рубя направо-налево, от орудования таким тяжелым клинком на лбу выступил пот. Воины потихоньку пятились, укрываясь щитами: вдруг какой сбившийся с пути противовзмах заденет их – и толкнет прямиком в Последнюю дверь. А король Гетланда отпорхнул от первого удара, пригнулся под вторым – меч Дунверка полоснул лишь его седые волосы – и под выскерк стали вынырнуть на открытое место.

– Дерись со мной! – с ревом повернулся Дунверк.

– Уже, – молвил Атиль и, подхватив край плаща, вытер лезвие, а затем бережно пристроил меч обратно на предплечье согнутой руки.

Дунверк выругался и прынул к нему, но нога воина подвернулась, и он упал на колено. Кровь хлынула через верх голенища, разлилась по булыжной площадке. Вот тогда до Рэйта дошло, что Атиль рассек под бедром Дунверка главную вену.

Со всех сторон зазвучал шелест благоговейного придыхания, и Рэйт ахнул, не выделяясь среди прочих столпившихся воинов.

– Слава Железного Короля возшла не на голом месте, – шепнул Рэки.

– Надеюсь, Яркий Йиллинг владеет мечом лучше тебя, Дунверк Бык, – сказал Атиль. – Ты старика попотеть не заставил.

И вот тогда Дунверк улыбнулся, блуждая остекленелым взглядом где-то не здесь.

– Все вы увидите, как владеет мечом Яркий Йиллинг, – прошептал он с лицом бледным, как воск. – Все до одного.

И повалился набок, на блестящую гладь собственной крови.

Все согласились, что это была великолепная смерть.

13. Моя земля

Матерь Солнце, мазок на восточном краю окоема, укутала своих детей, звезды, серо-стальной пеленой рассветного неба. Впереди вздымалась крепость, этим бесцветным утром мрачная, как насыпной могильник. Над ней в предвкушении кружили вороны.

– Хотя бы дождь прошел, – пробормотала Скара, откидывая капюшон.

– Тот, Кто Разговаривает Громом сейчас обрушивает свое недовольство на сушу, – молвила королева Лайтлин. – Он, как все мальчишки, порой наводит большой переполох, но надолго его не хватает.

Она вытянула руку и щекотнула принца Друина под подбородком.

– Передашь его мне?

– Нет. – Скара крепче обняла малыша. – Мне не тяжело. – Эти ручонки на шее прибавляли ей сил. А силы нужны ей сейчас прежде всего.

Мыс Бейла, сияющий символ соединенного Тровенланда, помнился ей другим. Селение под сенью крепости, где она однажды отплясывала на летнем празднестве, лежало в развалинах, дома покинуты – или сожжены. Садовую рощу перед ветхим, людских рук участком стены душил плющ, в сорняках гнили прошлогодние фрукты. Прежде яркие знамена украшали огромные ворота меж двух воспарявших эльфийских башен. Сейчас под бойницами на скрипучей веревке покачивал босыми ногами висельник.

С него содрали и золотые украшения, и сверкающую кольчугу; отобрали позолоченный клинок – и все же Скара сразу узнала его лицо.

– Один из Сподвижников Йиллинга Яркого. – Невзирая на меховую накидку, ее пробрал озноб. – Один из тех, кто сжег Ялетофт.

– И все равно висит, – отметила Лайтлин. – Похоже, молитвы Смерти не откладывают встречи с ней.

– Встречу с ней ничто не отложит, – прошептала Скара. Наверно, его смертью следовало насладиться, как стоило бы возблагодарить Матерь Войну за свободу хотя бы этого клочка Тровенланда. Но внутри нее гуляло лишь эхо страха перед ним, еще живым, наряду с ужасом от того, что этот страх не отпустит ее никогда.

Кто-то срубил дуб-великан, что рос во дворе. Пристройки, жавшиеся к древним эльфийским стенам, без его тени казались сырыми и неприглядными. Вокруг пня на избитых булыжниках отдыхали воины, большей частью пьяные и упивающиеся еще сильнее: мерились трофеями и ранами, начищали оружие, обменивались рассказами.

Начинающий скальд складывал вирши: без конца выкрикивал одну и ту же строку, пока другие, грохоча от смеха, подбирали ему продолжение. Прядильщик молитв бубнил славословия богам за победу. Где-то кто-то стenal от боли.

Скара сморщила нос:

– Чем так воняет?

– Всем, из чего сделаны люди, – негромко ответила сестра Ауд, глядя, как пара невольников волочет какую-то ношу.

Скара содрогнулась в холодном поту, когда стало ясно, что это труп, и снова, о ужас, когда поняла, что его подтаскивают к целой куче таких же мервых тел. Переплелись голые конечности, белые, в подтеках и пятнах подсохшей крови; отвисали безмолвные рты, распахнуты незрячие глаза. Гора мяса, что еще ночью была людьми. Мужчинами, в которых были вложены годы непосильного труда: родить их и вырастить, научить ходить, говорить, сражаться. Скара прижала к себе принца Друина, заслоняя ему взор.

– Должно ли ему на это смотреть? – шепнула она, желая ничего не видеть самой.

– Он станет королем земли Гетской. Такова его судьба. – Лайтлин бесстрастно окинула взглядом тела. Столь грозной женщины Скара еще не встречала. – Он должен научиться принимать это с радостью. Как и ты. В конце концов, это ведь твоя победа.

Скара сглотнула ком.

– Моя?

– Мужчины начнут выяснять, у кого была волосатее грудь и громче рев. Барды споют о пламенной стали и пролитой крови. Но затея была целиком твоей. Твоя воля вдохновила ее. Твои слова привели этих людей к твоей цели.

Слова – это оружие, – учила мать Кире. Скара таращилась на мертвецов во дворе Мыса Бейла, а видела мертвых в дедушкиных палатах, и вместо воздаяния за преступление перед ней вставляли уже два преступления, и поверх боли от одного наваливалась вина за второе.

– Не чувствуется, что это победа, – прошептала она.

– Поражение ты видела. Что тебе больше нравится?

Скара припомнила, как стояла на корме «Черного пса», как на ее глазах донебесное пламя проедало щипец дедова дворца, – и ей стало не о чем спорить.

– Ты очень впечатлила меня, там, на сходе, – промолвила Лайтлин.

– В самом деле? Мне показалось... что вы на меня обозлились.

– На твою речь в защиту себя и своей страны? С тем же успехом можно злиться на снег – с какой стати он падает в холода! Тебе ведь всего восемнадцать зим?

– Будет, в этом году...

Лайтлин покачала головой.

– Семнадцать. Ты обладаешь истинным даром.

– Мать Кире и дедушка... всю мою жизнь учили меня, как быть предводительницей. Как разговаривать и что говорить. Как строить доводы, читать по лицам, завоевывать сердца... Вечно считала себя плохой ученицей.

– Сильно сомневаюсь. Однако война обнажает в нас мощь, о какой мы и не подозреваем. Король Финн и его служитель готовили тебя на славу, но никому не под силу вложить то, чем ты обладаешь. Тебя коснулась Та, Что Произнесла Первое Слово. Свет, засиявший в тебе, заставляет людей тебя слушать. – Королева без улыбки посмотрела на Друина – мальчик пялил глазенки на бойню. – Предчувствую, что будущее моего сына висит на нити твоего дара.

Скара выкатила глаза.

– Мои дары в сравнении с вашими – свеча рядом с Матерью Солнцем. Вы – Золотая Королева...

– Гетланда. – Ее взгляд резанул Скару, прямо и остро. – Ведают боги, я пыталась направлять наш союз, сперва мягкими речами к миру, а после подстрекательством к бою. Однако королю Атилию я жена, а королю Горму – извечный враг. – Она смахнула локон с лица Скары. – Ты же – ни то, ни другое. Судьба поставила тебя уравновесить их. Сделала стержнем весов, на которых качается наш союз.

Скара уставилась на нее.

– У меня нет на это сил.

– Так разыщи их. – Лайтлин наклонилась к ней и приняла на руки принца Друина. – Власть – это тяжелый груз. Ты, родная, еще молода, но уже должна научиться нести эту ношу, иначе она тебя раздавит.

Когда королева отъехала вместе со стражей, рабами и слугами, сестра Ауд надула щеки – ее круглое лицо еще сильнее округлилось:

– Королева Лайтлин – истинный кладезь хорошего настроения.

– Обойдусь без хорошего настроения, сестра Ауд. А вот хороший совет пригодится.

Ее удивило, с какой радостью она встретила Рэйта живым, однако он как-никак был целой третью ее двора и, бесспорно, самой приятной на вид. Они с братом хохотали за костерком, и

Скара почувствовала укол неуместной ревности – так легко им было друг с другом. Невзирая на то, что эти двое вышли разом из одной и той же утробы, различить их было легче легкого. Рэйт со шрамом на губе и свежим порезом вдоль лица. Тот, кто глядит с подначкой и вызовом, даже в глаза Скаре – так, что ей самой тяжело отвести взгляд. А Рэкки – это тот, кто вообще избегал ее взгляда – кто сейчас при ее приближении расшаркался со всем почтеньем и вежеством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.